

ДВА ХРАМА

ISBN–13: 978-0-359-99976-7

УДК: 1751

Издано:

Независимым Издательством

Budapest 2019

Аннотация

Продолжение серии очерков, начатых недавно изданной небольшой работой "Будни одного братства" ("Первая книга", 2019). Серия построена как описание авторских церковных впечатлений недавних лет. Может быть интересна как верующим, так и неверующим.

В этой работе речь пойдёт о жизни двух московских храмов, которые автор посещал какое-то время назад. Описываются картины приходской жизни, даются портреты священнослужителей, сотрудников, обсуждаются некоторые актуальные вопросы церковной жизни (жизнь общины; организация приходской социальной деятельности и приходского образования; судьбы Русской Церкви в XX веке; наличие различных духовных "течений" в современной Церкви, и др.)

Для знакомого с темой читателя всё это может послужить некоторым материалом к осмыслению нашей церковной жизни недавнего времени. В других читателях всё это сможет вызвать интерес к описываемой области жизни.

Об авторе

Козис Алексей Евгеньевич, 1963 г.р. С 1972 г. проживает в Москве. С 1981 по 1987 годы обучался в Московском Государственном Университете, на механико-математическом факультете. Писать начал именно тогда, на материале своих студенческих впечатлений. В последующие годы продолжал писать "для себя", не стремясь к публикации. Эта серия очерков публикуется благодаря некоторой общественной значимости её содержания. Если автор сочтёт, что и что-то из прежде написанного обладает какой-либо ценностью - то и это тоже будет опубликовано.

Содержание

От автора	5
1. ХРАМ НА НАБЕРЕЖНОЙ.....	8
В новом месте	8
Настоятель.....	12
Добрый пастырь.....	12
Прихожане.....	22
Конкретные дела. "Помощь заключённым".....	27
Конкретные дела (продолжение). Общий взгляд	38
Перемены.....	47
2. ТИХОЕ КЛАДБИЩЕ.....	52
Неожиданная встреча	52
Кладбищенский храм	55
Воскресная школа: постановка задачи	64
Первые успехи. "Весёлый" алтарник	70
Два священника	70
Отец дьякон. Отдельные впечатления	89
Таинственный староста.....	100
Итоги и выводы.....	105

От автора

В мире есть особая область, с которой может так и не соприкоснуться живущий своей обычной жизнью человек. Так, например, идя по улице, он может пройти мимо храма - но так и не зайти в него. Он может знать, что Библия - величайшая книга в мире, но так ни разу в жизни её и не открыть. Он может даже в какой-то момент принять Крещение - но так и не придать этому должного значения, не обрести благодаря этому новую жизнь.

И, вроде бы, жизнь человека будет катиться по-прежнему. Он будет утром вставать, вечером ложиться, работать, развлекаться, есть, спать... Но только очень может так случиться, что через какое-то время из этой жизни куда-то исчезнут радость, полнота и смысл, и он увидит её как какую-то бесконечную череду непонятно куда текущих дней. И наоборот, если он откликнется на этот постоянно звучащий к нему призыв, то через некоторое время жизнь его разительно изменится, заиграет новыми красками, и в ней появятся те радость и глубина, которые он, возможно, уже отчаялся обрести.

Я здесь пытаюсь как бы слегка приоткрыть дверь для такого человека в эту пока ещё неизвестную для него область жизни. Причём делаю это не посредством отвлечённых рассуждений, а посредством живого описания собственного опыта. Некоторое время назад я опубликовал небольшой очерк, посвящённый жизни одной небольшой общины, или братства при одном из подмосковных храмов ("Будни одного братства", изд-во "Первая книга", 2019). В конце этого очерка была высказана мысль, что, в принципе, подобные описания могут быть продолжены. Здесь - осуществление этой идеи. На этот раз я беру обстановку двух очень разных московских храмов. Храмы эти никак не связаны между собой (кроме, конечно, той естественной связи, которой соединены в мире все вообще православные храмы). В первом из них я выполнял роль, скорее, простого наблюдателя, в жизни второго - активно участвовал. Наблюдения над этой обстановкой ведут меня к некоторым далеко идущим выводам о нашей церковной современности и о непростых судьбах нашей Церкви в XX веке.

Если уж родилось уже целых три очерка, то самое время

выразить их общую идею, или "концепцию". Может быть, кто-то будет с ней не согласен - но тогда я советую ему ещё раз перечитать эти строки и внимательно продумать, что же именно его здесь не устраивает. Итак. Среди всех духовных течений в истории человечества совершенно особую роль играет христианство. Не случайно современное летоисчисление (отсчёт лет т.н. "новой эры") ведёт своё начало от рождества Христова. Христианство, хотя и распавшееся на ряд конфессий, непрерывно существует в мировой истории вот уже 2000 лет. При этом совершенно особую роль играют традиционные конфессии, а для тех, кто живёт в России - Русская Православная Церковь. Однако в XX веке Русская Церковь пережила достаточно серьёзные испытания. На несколько десятилетий церковная жизнь, фактически, прервалась. Поэтому, когда в конце XX века снова намечилось церковное возрождение, то это можно было рассматривать как начало нового периода нашей церковной истории. Вот об этом новом периоде я и пишу. Эти картины церковной жизни (ограниченные, конечно же, моим жизненным опытом и моим восприятием) призваны запечатлеть обстановку именно этого, лишь недавно наступившего в нашей церковной жизни нового периода.

При этом я стараюсь придерживаться некоторых принципов. Так, никого бы не удовлетворили чисто абстрактные, теоретические описания, простое изложение некоторых "идей". Поэтому я стараюсь давать живые картины, описывать реальную, живую обстановку — и лишь дополнять их некоторыми идеями. Некоторым могут не понравиться те выводы, которые я временами здесь делаю - но я предпочитаю и не настаивать на них. Вместо этого я, начиная уже с этих очерков, приглашаю в собеседники читателя, предлагаю ему самому подумать, какие выводы он сделает, как он относится к этим вопросам. Делать какие-то "общие выводы" о нашем времени, подводить ему "итоги", видимо, время ещё не пришло - по крайней мере, это не может быть задачей одного человека. Можно лишь поделиться своими впечатлениями, поставить свои вопросы и всем вместе поразмышлять - и тогда из этого со временем может что-нибудь родиться. Также я хочу отметить, что стараюсь не «лакировать» ту реальность, которую я здесь описываю (в прошлой книжке я

уже об этом говорил), а рисую всё так, как я это сам видел, высказываю те мысли, которые действительно мне приходили тогда, или приходят сейчас. Из-за этого рассказ, может быть, несколько перегружен «проблемами» - но это же, я надеюсь, добавляет ему подлинности и достоверности.

Некоторых может смутить то, что события, которые я здесь описываю, произошли уже довольно давно - около 20 лет назад. Я же упорно продолжаю считать всё это описаниями нашей «церковной современности». Но здесь дело в том, что в Церкви счёт времени несколько иной. Её история насчитывает ок. 2000 лет, и поэтому XIX в ней - это наше «позавчера», середина XX века - это наше «вчера», ну а самый конец века и по настоящий момент - это наше «сегодня». Потому я и предлагаю назвать эти заметки «очерками о церковной современности». В них я хочу описать мои самые яркие церковные впечатления за последние 30 лет, высказать, как мне кажется, наиболее яркие и дорогие мысли - и при этом дать полную свободу читателю в размышлении, в оценке описываемых мной здесь явлений, или того, что он сам в своей жизни встречал.

Вот, собственно, всё, что я хотел сказать в предисловии.

1. ХРАМ НА НАБЕРЕЖНОЙ

В новом месте

В тихом месте на набережной Москва-реки стоит небольшой монастырь. В начале 90-х годов там возобновили богослужение, и начала развиваться церковная жизнь. Вскоре и я начал ходить туда. Я посещал это место, наверное, лет 15, и потому многие этапы его жизни прошли у меня перед глазами. Теперь я хотел бы их описать.

Как же и почему я начал ходить туда? Вот как это случилось. Это были первые годы оживления нашей церковной жизни. В Москве открывались новые храмы, к вере приходило множество новых людей. Я сам тогда лишь недавно пришёл к вере. Понятно, что каждый новый храм, открывавшийся в нашей округе, вызывал мой самый живейший интерес. Я скорее спешил туда, торопился познакомиться с людьми, побыть там на богослужении. Так узнал я и про этот храм, который открылся в этом монастыре, расположенном как раз по нашей ветке метро. Я приехал туда раз, потом другой, и потом стал достаточно регулярно его посещать.

Это был уже третий или четвёртый год моей церковной жизни. Люди, занимающиеся вопросами церковного образования, знают, что как раз эти 3 или 4 года представляют в жизни верующего человека некоторый "начальный этап". В это время человек как бы "осваивается" в Церкви - и одновременно в душе его происходят глубокие внутренние изменения. Он обретает новый взгляд на мир, приобретает новые, христианские качества. При этом, несмотря на поразительность изменений, происходящих в нём, человек сохраняет трезвость по отношению к себе. Если ему в это время сказать: "Пойди, прислуживай в алтаре, или организуй паломнические поездки, или проводи занятия в воскресной школе" - то он вполне трезво ответит: "Нет, я не достоин, я ничего в этом не понимаю, я не готов".

Но проходят месяцы, годы - и откуда что берётся! Теперь человек сам ищет служения, ищет реализации своей веры. Он чувствует, что нельзя жить только для себя, что нужно делиться

тем, что он приобрёл. Он, конечно, не обладает ещё особыми знаниями и опытом - но, по крайней мере, ощутил действие веры в своей жизни, ощутил важность веры, ощутил уже Церковь своим "домом", понял, что надо не только "получать", но и "давать".

Так и я к тому времени уже помогал при одном из храмов одному священнослужителю в создании воскресной школы. Но об этом несколько позже - а пока опишу этот храм, о котором я начал. Это очень интересный храм, с ним очень многое для меня связано. Кроме того, меня занимает различие между этими двумя храмами. Это как бы два "полюса" нашей тогдашней церковной жизни, в них реализовались два разных подхода к Церкви, характерных для того времени. Сравнить их было бы очень интересно. Поэтому я опишу сначала этот храм, как можно более подробно и детально - и потом точно так же попробую описать другой. Тогда, я надеюсь, эти контрасты выступят более ярко.

Итак, этот храм находился на набережной. Мерно катила мимо свои воды Москва-река. Выше поднимались поросшие лесом склоны Воробьёвых гор. На другой стороне реки виднелся город. Над всем этим раскинулось огромное и бездонное небо. Мне иногда казалось, когда я гулял по набережной или по лесистым горам, что сам Бог здесь смотрит на всё с небес, что Он всё здесь наполняет Собой, что здесь всё пронизано присутствием Божиим. Впрочем, сознаю, что трудно передать на бумаге эти внутренние ощущения человека, лишь недавно, искренне и глубоко пришедшего к вере.

В зданиях этого монастыря (в котором находился храм) ещё совсем недавно был институт. Меня всегда волновал вопрос - зачем так уж непременно нужно было выгонять этот институт? Он занимался вещами вполне респектабельными: здесь изучали те единицы, которыми мы измеряем окружающий мир, и, образно говоря, следили за тем, чтобы ни метр не становился длиннее, ни килограмм легче или тяжелее, ни секунда короче. И сотрудничество такой организации, которая так старательно следит за порядком в этом нашем внешнем мире, с Церковью, которая точно так же блюдёт законы духовной, внутренней жизни человека, могло бы, видимо, привести к удивительным результатам. Ведь существуют же у нас храмы при больницах,

школах, детских домах - почему же не быть храму "при научном институте"? Однако, те, которые в данном случае решали, видимо, думали иначе - и в результате институт был полностью выселен из здания монастыря.

Мне кажется, в этом проявилась одна особенность тогдашней церковной жизни. Церковь, только возрождавшаяся, поднимавшая голову, обретавшая свободу, почему-то постоянно "выясняла отношения" с уходившей уже в прошлое советской властью. Вроде бы, обретена свобода, нет никаких препятствий в деятельности - чего ещё хотеть!.. Однако, со стороны Церкви постоянно звучали прежние жалобы на несправедливость, на то, что в советское время с ней резко обошлись, требования что-то компенсировать, возместить, прославить прежних героев - т.е. то, что не имело прямого отношения к вопросам веры. Одной из этих тем был и вопрос о возвращении прежних зданий. Церковь во всех этих случаях неизменно выглядела пострадавшей, потерявшей прежние привилегии, но очень желающей их вернуть, ждущей "восстановления справедливости" и от общества, и от всего мира.

Видимо, что-то подобное произошло и в этом монастыре. Церковь в то время объективно не могла приобрести себе эти здания и полноценно их использовать - это со всей определённостью и выяснилось в ближайшие годы. Но возобладала идея "исторической памяти", "реванша", утверждения Церкви благодаря возвращению этих зданий в глазах общества. Были подняты старинные документы, которые неопровержимо свидетельствовали, что здесь прежде был монастырь, что это место имело глубокие духовные и культурные традиции, что здесь три столетия назад занимались просветительской деятельностью - и что, следовательно, это место "должно" принадлежать Церкви. В результате сотни сотрудников этого института - люди, конечно, не святые, но более или менее успешно работавшие, находившие в этом месте приют и опору для своей жизни - были переселены на другой конец города, возможно, с некоторым недоумением и обидой - эти же здания, которые Церковь, в действительности, не могла использовать, ещё многие годы стояли пустыми.

А ведь с самого начала мы имели (хотя бы теоретически!) и

другую возможность - что в этих зданиях прекрасно могли бы сосуществовать храм и научный институт; что перед священниками встала бы непростая, но глубокая задача - общения с сотрудниками этого института, благотворного влияния на обстановку в нём, проповеди в их среде; что храм, кроме приходящих со стороны людей, имел бы прихожанами тех, кто постоянно работает здесь, что помогло бы быстрее его наполнить; что в этом научном институте стала бы со временем привычной довольно необычная картина: храм, находящийся в непосредственной близости от института и осуществляющий с ним некоторое взаимодействие; короче, такое сосуществование открывало бы некоторые возможности, достаточно непривычные и спорные, но соответствующие действительной современной ситуации и действительным потребностям нашего времени. Но осуществился, как я уже сказал, другой вариант - институт был полностью выселен, здания были полностью переданы Церкви - и начались бесконечные и безвыходные заботы о том, чтобы их чем-то наполнить. Прихожан в этом пустынном месте было мало. Храм почти полностью пустовал. В конце концов эта проблема была решена за счёт другой научной организации - находящегося здесь неподалёку Московского Университета. Благодаря связям с одним из факультетов, удалось заинтересовать некоторых сотрудников, и оттуда в монастырь пришла часть прихожан. Что же касается зданий, то они ещё многие годы стояли пустыми.

Через некоторое время после того, как я начал приходить сюда, институт был окончательно выселен из здания монастыря, и вся эта территория стала окончательно принадлежать Церкви. Обстановка на территории разительно изменилась. Теперь здесь всё было наполнено живым предощущением церковного возрождения. Для тех немногих людей, которые ходили сюда, все эти здания были пронизаны присутствием Божиим. Было ощущение Божьего дела, того, что теперь здесь всё будет служить спасению людей. В храме, таинственном и тёмном, по вечерам шли богослужения. Загадочно мерцали лампы, свечи, со стен на нас смотрели иконы. Прихожан было совсем немного - в некоторые вечера всего несколько человек. Это были те, кто особенно загорелся идеей возрождения церковной жизни в зданиях этого монастыря. Я был одним из них.

Богослужение здесь было глубокое и возвышенное. Придавая особое значение возрождению этого места и имея на него особые планы, церковное руководство, видимо, "бросило" сюда свои лучшие силы. Это-то возвышенное богослужение и привлекло сюда тех немногих людей, о которых я сказал. В алтаре вдохновенно служил священник. В нём угадывались образованность, культура и яркий ум. Он был удивительно молод - гораздо моложе тех священников, которых я знал прежде. За его личностью тоже ощущались какие-то новые возможности, устремлённость в будущее. Это ему было поручено возродить этот монастырь и наладить в нём церковную жизнь. Ни у кого не было и сомнений в том, что он с этим блестяще справится. И поскольку он - один из главных героев этой истории, я должен в первую очередь посвятить ему несколько слов.

Настоятель

Итак, это был молодой перспективный священник. По некоторым признакам можно было судить, что он принадлежал к кругу бывшего Патриарха. Ему, как молодому и подающему надежды, было поручено восстановить этот монастырь, наполнить его церковными организациями и людьми. И, нужно сказать, что в общем эта задача была выполнена. В монастыре возобновилось богослужение, храм наполнился людьми, возникла большая церковная библиотека, здания монастыря постепенно заполнялись организациями. Почему же, рассказывая об этом священнике, я испытываю некоторое смущение?.. Почему же меня не оставляет ощущение, что что-то здесь было не совсем правильно, не совсем в порядке?..

Видимо, здесь дело в двух вещах, которые можно обозначить следующими словами: непосильной задачи, которая легла на плечи человека, и ещё - "человека не на своём месте". Как, в самом деле, определить призвание, для которого создан человек? У каждого из нас оно есть - но не всегда мы его хорошо понимаем. Хорошо, если человек понял своё призвание и следует ему, но если он отступает от него, если пробует осуществить задачи, к которым он не призван, то хорошего результата не жди. Человек нарушит и свой собственный внутренний мир, и другим

людям не принесёт пользы.

Возможно, что-то подобное произошло и в этом случае. Ему была поручена важная церковная задача, которая была явно ему не по силам. Он старательно выполнял её, вкладывая в это все свои силы - и в результате "надорвался" над ней. В результате подлинные его таланты - талант пастыря, организатора жизни прихода, духовного наставника - так и остались не реализованными. Всё "взяли" важные церковные задачи, которые были ему поручены, и которые он всеми силами старался выполнять.

Это ставит передо мной вопрос о свободе и несвободе человека, занимающего в Церкви какую-то ответственную должность. Ведь он, в каком-то смысле, "не принадлежит себе". Он - часть церковного организма, и должен исполнять поставленные перед ним задачи. Интересно, ответственны ли те, кто ставит перед ним эти задачи, за то, что они не соответствуют его призванию, что он, исполняя их, в какой-то степени не реализует себя?.. Или всё "покрывает" то, что он служит спасению людей, что он часть церковного организма, и что он решает поставленные перед ним задачи?.. И потом - возникает мысль, что вся деятельность его в этом монастыре исходила из уже описанной мной идеи возвращения Церкви прежде потерянных зданий, т.е. идеи, мягко говоря, не совсем трезвой. Не получается ли, что ему поручили потратить свои силы на осуществление не совсем верной идеи - и ответственен ли кто за это?..

Как прихожанин, я не совсем хорошо представляю себе, какие именно задачи перед ним стояли. Речь шла о большой церковной библиотеке, говорили также о библейском институте, о большой детской школе. Самое интересное, что все эти планы действительно осуществились! И библиотека, и институт, и эта детская школа до сих пор существуют! Но всё это стоило таких огромных, болезненных усилий, такого огромного напряжения, что невольно спросишь себя: а действительно ли это стоило таких усилий?.. Не лучше ли было поставить перед собой более скромные задачи и осуществлять их с меньшим напряжением?.. И так ли оно, вообще, должно происходить - возрождение и развитие нашей церковной жизни?.. Не главный ли принцип

здесь - делать то, что полезно душе, т.е. то, что по силам?.. Главное же, что этот священник здесь так практически и не проявил своих подлинных талантов.

Теперь прекрасно понимаю, что причина могла быть не только в его положении, но и в каких-то личных особенностях его характера. Нетрудно было понять, что он, вообще, склонен к углублению в себя, к интеллектуальному труду. Каково же было ему заниматься возрождением монастыря и вникать во все эти хозяйственные вопросы! Снова мы видим несоответствие должности, поручения, данного человеку, его призванию.

Впрочем, не стоит, может быть, углубляться в особенности характера, поскольку в это всегда трудно вникать. Меня больше интересуют черты круга людей, к которому он принадлежал, и о котором тоже можно в какой-то степени судить по этой ситуации.

Я уже сказал, что он принадлежал к кругу прежнего Патриарха. Сам этот замысел возрождения монастыря, размещения в нём крупной библиотеки, несомненно, родился в этом кругу. К сожалению, я ничего не могу достоверно рассказать об этом круге, поскольку сам в нём не общался, и поэтому вынужден довольствоваться только догадками. К началу возрождения монастыря нашему настоятелю было всего лет 35. И вот, ему, такому молодому, поручили столь ответственное дело - это значит, что он уже давно принадлежал к церковным кругам, уже был в них "на хорошем счету". Скорее всего, он был одним из "алтарных мальчиков" - так называются дети, подростки (может быть, юноши), которых с ранних лет прислуживают в алтаре, и, таким образом, с раннего возраста привыкают к церковной среде. Таким людям свойственна любовь к храму и богослужению, они хорошо знают богослужение, имеют достаточно ясные церковные понятия, поскольку с детства воспитывались в этой среде - но, к сожалению, совершенно не знают реальной жизни. Это именно "люди Церкви" - но не в высоком и глубоком смысле, а именно люди храма и алтаря. Из таких потом набирают учащихся семинарий, их потом, уже в достаточно раннем возрасте, готовят к священнослужению. В 70е-80е годы, когда вера у нас сохранялась в очень узких кругах, могли быть, тем не менее, такие храмы, где сохранялась

церковная обстановка и где готовили таких вот "церковных мальчиков". Наш настоятель мог быть одним из них.

Некоторые обстоятельства побуждают меня думать, что это действительно правда. Так, он чрезвычайно любил богослужение. Огромное значение он придавал тому, чтобы наладить хорошие богослужения в монастыре. В этом мог проявляться "след" понятий позднего советского времени, когда ничего, кроме богослужений, в Церкви совершать было нельзя.

Правда, он пробовал проводить беседы с прихожанами - но опять же на тему богослужения. С серьёзным видом он рассуждал перед людьми о том, когда «священник выходит из алтаря и кадит иконы и прихожан», но это не вызывало в людях особого интереса. Действительно, не эти вопросы волнуют обычно современного человека. Зато с реальным живым общением с людьми у него были серьёзные проблемы. Многие люди отмечали, что серьёзно поговорить с ним о чём-нибудь почему-то не получалось. Видимо, это происходило потому, что обычные проблемы обычных людей его не интересовали. Он весь был погружён в задачи, которые перед ним были поставлены, в отношения и понятия своего круга. Но понятия эти к тому времени уже были в какой-то степени устаревшими и несостоятельными. Сохранив веру в позднее советское время, являя в той обстановке достаточно высокую церковную культуру, этот круг теперь стремительно уходил в прошлое. В Церковь теперь стремительно врывалась окружающая жизнь, она должна была решать новые задачи, а эти люди всё продолжали решать свои прежние внутренние вопросы. Им, по существу, нечего было сказать нам, новым пришедшим к вере людям.

Мне интересно, верна ли эта моя догадка про круг, к которому принадлежал наш настоятель, и про "алтарных мальчиков". Я, разумеется, никак не могу это подтвердить. Я никогда не проводил "расследований" в отношении знакомых мне священников: когда они пришли к вере, когда начали ходить в храм, в каком кругу общались, когда были рукоположены, какие церковные должности занимали, и т.д. Мне кажется, что вся эта информация лишена особой ценности, а важно только личное знакомство, личное общение и личные впечатления. Но те, кто интересовался этими вопросами и обладает такой

информацией, безусловно, смогут оценить, в какой степени я прав.

Возвращаюсь к нашему настоятелю. Теперь, когда я вспоминаю и описываю обстановку этого монастыря, я вижу, что почти ничего не могу о нём рассказать. Можно ли ярко и убедительно описать человека, который фактически никак себя не проявил, не произвёл на тебя никакого серьёзного впечатления?.. Что ещё о нём написать?.. То, что он завёл себе в монастыре огромный кабинет, для пущей важности, и как к нему перед этим кабинетом подолгу стояли люди, ожидая его "аудиенции"?.. То, что он через некоторое время полюбил ездить по своим делам за границу, и надолго, иногда на несколько недель, уезжал, оставляя свой монастырь?.. То, как где-то выходили написанные им статьи и книги, на темы, совершенно далёкие от потребностей современного приходящего к вере человека, совершенно не затрагивающие интересы прихожан монастыря?.. Всё это, как мне кажется, лишь рисует его принадлежность к тому же кругу, достаточно культурному, но уже уходящему в прошлое, уходящему с "арены", с "поверхности" церковной жизни. И единственное, что нужно с благодарностью вспомнить, это его любовь к богослужению, его интересные проповеди, и его усилия по восстановлению зданий монастыря, которые привели всё же к какому-то результату. Но в то время (а тем более в наше) не это является главным содержанием, или "нервом" церковной жизни, и всех этих усилий, несмотря на то, что в них и было что-то доброе, было ужасающе недостаточно.

Так ничего вразумительного и содержательного не могу о нём написать. Вся его жизнь принадлежала тому, уже уходящему кругу, она не принадлежала нашему времени. Может быть, кому-то покажется, что я слишком резко описываю этого священника. Но что делать, для его описания у меня нашлись именно такие слова! Я ведь прекрасно понимаю, что все подобные описания достаточно внешни и поверхностны, что я не знаю на самом деле ни проблем, которые перед ним стояли, ни его внутренней жизни! Но невольно приходится давать такие внешние, поверхностные описания, чтобы хотя бы в какой-то степени запечатлеть эту обстановку. И, чтобы у читателя не возникло

чувства, что я вообще слишком критически отношусь к людям и стараюсь замечать только их недостатки, опишу теперь нашего второго священника, который произвёл на меня совершенно другое впечатление.

Добрый пастырь

Он появился здесь через несколько месяцев. Первый раз я увидел его как-то после вечерней службы, около храма. Гляжу - появился новый священник, молодой, с ясным, внимательным взглядом. Я скорей подошёл к нему. Он откликнулся, заговорил со мной, глядел ясно и проницательно. Впрочем, по первой встрече о человеке, тем более о священнике трудно судить. Поэтому опишу сразу ту роль, которую он играл в жизни монастыря в течение последующих лет. Он, по существу, стал центром общины этого монастыря. Многие прихожане пришли сюда благодаря ему. Именно к нему во время службы на исповедь стояла самая большая очередь прихожан. В другое время он всегда охотно встречался и беседовал с людьми. Короче, именно он стал в этом монастыре настоящим духовным наставником и пастырем.

Разговаривать с ним было интересно и полезно. Он всегда уделял внимание человеку, искренне вникал в его проблемы. На исповеди он никогда не давал прямых советов, давал человеку возможность всё продумать самому. Его участие выражалось только в удивительно точных и уместных замечаниях. У меня всегда во время его исповеди было чувство, что он во всём, всецело, полностью меня понимает. Не раз после такой исповеди я вдруг сознавал, что все мои проблемы каким-то удивительным образом уже решены - хотя, вроде бы, он ничего особенного мне и не говорил. Это был священник, на которого всецело в своей духовной жизни можно было опереться. И это же чувствовали и другие прихожане, собираясь в этом приходе вокруг него.

Нет, я вовсе не хочу сравнивать здесь этих двух священников! В конце концов, у каждого своё призвание, свой характер, и человека нельзя за это ни похвалить, ни осудить. В конце концов, оба священника совершали здесь своё служение, поддерживали жизнь этого монастыря - и можно было сказать,

что они в какой-то степени дополняли друг друга. И всё же у меня перед глазами стоит эта картина - несколько странная, неестественная роль настоятеля, который как бы оказался в этой ситуации "не на своём месте", не до конца реализовал себя - и этот второй священник, который все свои силы посвящал работе с людьми, и этим полностью осуществил своё священническое служение.

В чём же здесь было дело?.. Я сказал уже, что причина могла быть просто в характерах того и другого священника, в тех дарах, которые были им отпущены Богом, в назначении, которое было им определено. Но мне кажется, здесь мог быть и другой момент. Я сказал уже, что второй священник был гораздо ближе к нашей современности, гораздо лучше понимал содержание нашего времени и реальные проблемы окружающих людей. Он фактически был нашим современником. Впоследствии приходилось слышать, что он прежде учился в Московском Университете, откуда в храм и пришла некоторая часть прихожан, а, возможно, там и работал. Этот священник, по существу, был одним из нас. Он прожил такую же жизнь, как и большинство современных людей, - и лишь потом горячо и искренне пришёл к вере, и, в конце концов, стал священником. Он не принадлежал к тем узким "традиционным" церковным кругам, к которым принадлежал наш настоятель, о которых я некоторое время назад размышлял. Он не рассуждал о вопросах богослужения и церковной истории, а просто видел и понимал приходящего к нему человека. Он-то и был настоящим служителем Православной Церкви.

Эта ситуация наводит меня на мысли о нашей недавней церковной истории, о положении Церкви в позднее советское и первое постсоветское время. Тогда действительно существовал достаточно узкий "традиционный" круг, в котором хранили веру, и который был достаточно строго отделён от всей остальной общественной жизни. Этот круг существовал на территориях немногих открытых монастырей и храмов, складывался вокруг богослужения, и, за отсутствием возможности реальной деятельности, имел, в основном, "книжные" интересы. Это здесь придавали особое значение хранению памяти прошлого, часто вспоминали дореволюционный период церковной жизни, и имели

надежды всё это "восстановить", "вернуть".

Другой круг - это был круг "поисков веры", складывавшийся непосредственно в окружающем обществе. Он состоял из ищущей интеллигенции, и вообще всех честных ищущих людей, которые были не удовлетворены советской действительностью и стремились привнести в свою жизнь некоторые черты духовности. Многие из этих людей остановили свой выбор на православной Церкви и проявляли искреннее стремление приобщиться к её жизни. Круг таких людей всё ширился. Они искали в Церкви ответа на свои насущные жизненные вопросы, и, в первую очередь, на главный вопрос, интересующий каждого искреннего, думающего человека, вопрос - "как ему жить".

Тут как раз наступило церковное возрождение, и эти люди - самого разного духовного и культурного уровня, самых разных понятий - наполнили собой Церковь. Они, по существу, и составили нашу современную Церковь. А люди первого круга, те, кто хранили традицию, память о прошлом Церкви, неизбежно отступили на второй план. Они, пожалуй, составляют теперь некий "маргинальный круг" в Церкви. Это соотношение сохраняется вплоть до нашего времени. Наша современная Церковь - это, в основном, люди, пришедшие к вере в конце 80-х и в начале 90-х годов (и, конечно, в последующие годы). Влияние более ранних церковных групп и течений (в том числе тех, которые имели вес и значение в позднее советское время) теперь уже практически незаметно.

Возможно, именно это отразилось на ситуации в этом монастыре, на отношениях этих двух священников. Вторым священником имел здесь больший вес, поскольку он, собственно, и был представителем нашей современной Церкви. Первый священник, как представитель узкого уже уходящего круга, или, лучше сказать, как представитель "прежней элиты", во всём уступал ему.

Может возникнуть вопрос: не составляло ли некоторую проблему то, что в одном храме оказалось два таких священника? Не представляло ли для второго священника некоторого неудобства работать под управлением такого настоятеля, а для настоятеля - наоборот, что под его управлением работает такой священник? Конечно, это знают только они сами, да, быть может,

очень узкий круг близких людей. Внешне же всё выглядело вполне спокойно. Оба священника вместе служили, работали в библиотеке, и, на первый взгляд, невозможно было заметить никаких проблем. В Православной Церкви вообще проблемы, связанные с чувствами первенства или соперничества, отходят далеко на второй план. Общая вера и общее дело объединяют людей, и они вместе делают это дело, не обращая внимания на такие второстепенные моменты ради общего служения.

И всё же по некоторым признакам можно было догадаться, что всё, на самом деле, далеко не так гладко. Так, второй священник, видимо, выглядел далеко не столь активным, каким он мог бы быть - у него был несомненный талант организовывать, объединять людей, но в условиях подчинённости достаточно безвольному и пассивному настоятелю и жесткой церковной дисциплины это почти не проявлялось. Настоятель же, видимо, не мог совершенно не испытывать никакого неприятного чувства, видя, что во время богослужения на исповедь к нему становится совсем немного человек. Конечно, между ними могла быть договорённость, что исповедует в храме, в основном, именно второй священник - и всё же чувство, что прихожане храма больше уважают не его, а его коллегу и подчинённого, могло горько задевать настоятеля. Правда, он, как человек культурный, никак этого не проявлял - но вот зато сотрудники храма давали себе в этом полную волю! Мне неожиданно пришлось узнать, что хозяйственные работники храма, которые пришли сюда вместе с настоятелем и хранили ему верность, недолгоблюдали второго священника, который пришёл сюда позже, не признавали его и всячески ему это показывали. Я думаю, что дело здесь было не столько в личных чувствах, сколько всё в том же "групповом" чувстве: все эти люди принадлежали к тому же уже "уходящему" кругу, что и настоятель, и инстинктивно чувствовали во втором священнике, с его совершенно новыми представлениями и понятиями, "чужака". Они не могли простить ему, что их настоятель, столь важный и ответственный человек в Церкви, любимец Патриарха, которому тот поручил восстановление монастыря, оказался здесь "на вторых ролях", а подлинным уважением пользуется совсем другой, непохожий на него человек.

Так тянулась жизнь этого монастыря. Я, конечно, далёк от мысли, что мне удалось полностью объективно описать этих двух священников. Я был всего лишь прихожанином храма, и совсем не имел с ними делового общения, так что для более подробных описаний у меня просто нет необходимой информации. Но зато я честно описал, как всё это видел я сам. В этом отношении любой человек похож на меня - он точно так же воспринимает внешние впечатления, как-то оценивает их, делает умозаключения, составляет о вещах собственное представление, и может быть в этом прав, или неправ. В этом смысле мои описания обладают некоторой «внутренней достоверностью» - они могут быть не во всём точны, но, во всяком случае, они правдивы и искренни. Думаю, что они в каком-то смысле одновременно субъективны и объективны.

Написал сейчас это - и остановился... Ведь теперь-то уже всем известно, что всё это - давно в прошлом, там нет уже больше этих людей, и этих священников, и что это - по существу, уже совсем другой монастырь!.. Сменились времена, сменилась обстановка - и это довольно неожиданно отразилось на многих наших храмах и монастырях!.. Какой же тогда смысл в этих моих описаниях, если они запечатлевают только картины недавнего прошлого, которых уже не вернуть!.. Но тем они, может быть, и интереснее, и именно это, может быть, и придаёт им смысл. Пусть уж останутся, как живое свидетельство о времени, уникальном для нашей Церкви, о церковном возрождении 90-х годов. Никогда, видимо, не было в нашей церковной жизни ничего подобного прежде - и ещё долго не будет после! И запечатлеть, описать хотя бы некоторые картины этого времени - дело достаточно важное и для настоящего, и для будущего, и для общества, и для Церкви... Вот, собственно, это я здесь, по мере моих слабых сил, и пытаюсь сделать. Но вернусь снова к описаниям жизни этого монастыря.

Прихожане

Центром жизни монастыря было богослужение. Как я уже сказал, поначалу здесь было совсем мало прихожан. Но шли месяцы, годы - и как-то постепенно они появились. Откуда же они сюда пришли? У нашего второго священника были связи с Московским университетом, поскольку он когда-то там учился. Вот оттуда-то и стали приходить сюда люди. Возможно, их привлекала необычность этого места, а также высокий уровень культуры в этом монастыре, то, что здесь создавалась крупная библиотека. Так или иначе, но храм постепенно наполнился образованными, культурными людьми.

Но, возможно, был и другой источник пополнения общины этого храма (хотя, может быть, и тот, и другой способ были связаны). Так, через некоторое время я стал замечать здесь людей очень богословски образованных. Помню двух прихожан, которые на богослужении почему-то всегда оказывались прямо передо мной, и всю службу напролёт вели между собой сложные богословские разговоры, не обращая внимания ни на ход богослужения, ни даже на такие важные моменты, как причащение. Меня всегда смущали такие моменты, я видел в них некоторую самоуверенность и отсутствие благоговения.

Но потом я понял, что они просто принадлежали к определённому кругу, где вполне принято так себя вести, как и довольно многие из новых прихожан. Люди этого круга появились здесь как-то неожиданно, но при желании их вполне можно было распознать и идентифицировать. Это был круг верующей московской интеллигенции, изначально связанный с именем отца Александра Меня. Читатель заметил, что я стараюсь не упоминать здесь имена конкретных людей - но отец Александр Мень погиб уже около 30 лет назад, и поэтому, я думаю, можно назвать его имя. Круг этих верующих людей возник ещё в советское время, т.е. тогда, когда веровать было "нельзя" - но здесь люди находили в себе силы иметь глубокую и свободную веру, общаться на духовные темы, читать и изучать Священное Писание, писать и издавать книги... Круг этот был по-своему уникален. Попадая в него, человек мог даже в то неблагоприятное время жить достаточно глубокой, яркой и

насыщенной духовной жизнью. Здесь в непростых условиях гонений на веру не избегали общения и взаимодействия с верующими людьми из других христианских конфессий. Здесь достаточно убедительно были осуществлены высокие цели следования в своей жизни Евангельским заповедям, жизни согласно Евангелию.

Впоследствии, в связи с постепенным распространением веры в обществе (я имею в виду уже времена нашего церковного возрождения) произошло, видимо, то, что должно было произойти. На фоне достаточно низкого общего духовного уровня Церкви эти люди, имевшие уже достаточно глубокие духовные знания и опыт, почувствовали себя единственными "истинно верующими", а всю остальную Церковь - "ходящей у них в учениках". Уж не знаю, насколько это неизбежно, но именно это обычно происходит с людьми, имеющими в какой-нибудь области определённый "задел", вырвавшимися вперёд по сравнению с людьми, занимающимися тем же делом. Начался подспудный и затяжной внутрицерковный конфликт. Эти люди составили как бы небольшую "просвещённую Церковь" внутри Церкви. Их круг и до сих пор имеет некоторые характерные черты, по которым их с большой достоверностью можно распознать - это, во-первых, подчёркнутая верность своему основателю, сформировавшему этот круг и трагически погибшему около 30 лет назад, во-вторых, приверженность общинному образу жизни, развитые христианские общение и деятельность, и, в-третьих, подчёркнутый интерес к западному христианству, активное взаимодействие с верующими западных христианских конфессий. Всё это они делают как бы подчёркнуто, с некоторым усилием - впечатление такое, что это служит сохранению их круга, и что без этого сам круг этих людей перестал бы существовать.

Я сказал уже, что сама эта ситуация в некоторой степени служит нарушению церковного мира, поскольку приводит к существованию некоей "малой Церкви" внутри Церкви. Но, к счастью, само это нарушение мира не слишком серьёзное. Этот внутренний подспудный конфликт почти не привёл ни к каким серьёзным столкновениям, и до сих пор существует неявно, подспудно. Представители этого течения, как имеющие

несомненное преимущество в своих церковных знаниях и опыте, согласно некоторому существующему в Церкви духовному закону, занимают всё больше руководящих мест в Церкви (или же пользуются покровительством людей, занимающих такие места). Таким образом, сам конфликт незаметно и постепенно "сходит на нет". Можно надеяться, что со временем он и полностью изгладится. Но при этом следует заметить, что то "преимущество", о котором я сказал, и которое обеспечивает таким людям лидирующее положение в Церкви, скорее, не духовное, не преимущество внутренней молитвы - это, скорее, преимущество осведомлённости, начитанности, сплочённости, хорошей организации. Во всём этом часто не хватает духовной глубины. Кроме того, вызывает некоторый вопрос нравственная позиция таких людей: создав свой круг и пользуясь его преимуществами, они не делятся всем этим с Церковью, а по-прежнему считают себя неким узким привилегированным кругом в ней, сохраняют и расширяют, прежде всего, свой круг - и лишь в силу некоего "естественного закона" всё это постепенно распространяется в Церкви. Это позволяет думать, что они всё-таки не считают Православную Церковь своим подлинным "домом", за который они ответственны и о котором призваны заботиться - но распространяют все эти чувства только лишь на свой таким необычным образом возникший круг. Из-за этого иногда с ними, отдавая должное их опыту и знаниям, всё-таки не совсем хочется общаться. Но что делать - именно таким образом Господу было угодно сохранить у нас в послевоенное время веру, именно такими путями провести нашу Церковь - и поэтому всё это следует принимать как данность.

Так вот, у меня есть основания считать, что наш монастырь через несколько лет после начала его возрождения облюбовали именно представители этого течения. Уж не знаю, как именно это произошло - по прямой ли договорённости с нашими священниками, или же как-то случайно. Возможно, некоторые такие люди просто как-то "нашли" наш монастырь, полюбили тишину этого места и здешнее богослужение - и, пользуясь организованностью и слаженностью своей общины, стали приводить сюда и других таких людей. Так или иначе, но через несколько лет монастырь наполнился прихожанами. Они

приходили сюда и поодиночке, и вместе с детьми. Дети, как водится, бегали и по храму, и по окружающий храм большой галерее. Родители стояли в храме, ходили по храму, выходили на галерею, общались, разговаривали. Поражала удивительная свобода, с которой вели себя прихожане. Они как будто пришли сюда не ради храма и богослужения, а ради собственного общения, ради собственных отношений - по существу, "ради самих себя". Я уже привёл пример двух молодых людей, которые прямо во время богослужения вели долгие богословские разговоры. Они делали это как будто нарочно, будто показывая: "да, мы, конечно, православные, но всё, что окружает нас, для нас совершенно не важно - а важны лишь наши собственные отношения, и то, что находится в нашем сознании". Нечто подобное можно было заметить и в других прихожанах: они представляли собой именно общину, построенную на основе разнообразных деловых и человеческих отношений, а не на основе благоговения, или ощущении Божьего присутствия среди них. Признаюсь, меня такая обстановка несколько смущала. Я всё-таки больше привык к благоговейной тишине в храме, к глубокой, сосредоточенной молитве, как это бывает во многих традиционных православных храмах. Здесь, к сожалению, такая благоговейная, сосредоточенная обстановка не складывалась.

В то же время нельзя было отказать этому храму в особой атмосфере естественности, простоты и свободы. Сюда можно было прийти как в давно знакомое, привычное место, побыть в атмосфере естественного общения, встретить знакомых людей. Центром всей этой жизни было богослужение - и это, несомненно, создавало здесь добрую, светлую, свободную атмосферу.

Попробую описать ещё некоторые черты жизни этого монастыря. После богослужения все обычно шли в трапезную, расположенную в подвальном этаже. Здесь все взрослые садились за большой общий стол. За столом, как помню, не было никакого порядка, общая трапеза не была никак организована. Не было никакой общей темы для разговора, каждый просто говорил со своим соседом, о чём только мог. Всё собрание распадалось на маленькие кучки, и в каждой шла своя беседа. В это время дети, слегка утолив голод, бегали по этому огромному залу.

Стоял постоянный топот и визг от этих бегающих, играющих и кричащих детей, и шум от беспорядочных взрослых разговоров.

Казалось бы, в целом всё это должно было оставлять впечатление довольно беспорядочное. И вместе с тем - я с удивлением отмечаю это - трапеза эта вполне удовлетворяла потребность людей в единении и общении. У людей оставалось доброе и здоровое чувство, что вот, они побыли вместе на богослужении и, кроме того, ещё посидели за общим столом. Те, кто хотели встретиться и что-то обсудить, имели здесь такую возможность. Дети тоже имели возможность пообщаться и поиграть.

Итак, даже и при такой неудачной организации эти трапезы за общим столом производили доброе действие. Даже и такой "нулевой уровень" порядка позволял людям ощутить духовную близость и единение. И всё же чего-то здесь явно не хватало. Такие встречи и общение "как придётся" могут, конечно, как-то наполнить жизнь людей, но они не могут сделать её надёжной и прочной. Люди, скорее всего, не будут чувствовать себя ответственными за жизнь общины, не станут чем-то жертвовать ради неё. Там, где всё ограничивается лишь тем, что "собрались вместе, посидели - и разошлись", люди не смогут ставить перед собой общие задачи, решать их, заниматься общим делом. Мне кажется, что для того, чтобы всё это осуществилось, нужен более высокий уровень организации. Нужен некоторый порядок в жизни общины, нужны небольшие собрания, которые ставят перед собой определённые цели и проходят согласно определённым правилам. Короче, нужна община как организованное сообщество людей. Тогда в ней будут рождаться конкретные планы, воплощаться в жизнь конкретные дела, и люди будут чувствовать за это ответственность. Но здесь, по-видимому, такой нормальной общинно-приходской жизни не было. Людей объединяло только богослужение, эта большая беспорядочная трапеза - и их общие заботы (скорее "природные", чем духовные) о воспитании собственных детей.

Я теперь хочу описать картины жизни этого монастыря. Я ходил туда несколько лет - и поэтому эти картины достаточно ярко отложились в моей памяти. Разумеется, я не буду описывать их так, как это могло представляться кому-нибудь из

руководителей и организаторов - например, настоятелю, или даже второму священнику, а нарисую их так, как их видел я сам. Все эти картины мне до сих пор дороги, они составили часть моей жизни. Напоминаю, что, когда я говорю о монастыре, я имею в виду не монастырь в собственном смысле, т.е. не монашескую общину, а просто здания бывшего монастыря, в котором существовал церковный приход и были размещены некоторые церковные организации.

Конкретные дела. "Помощь заключённым"

Итак, о чём же мне, в первую очередь, рассказать? Я описал уже богослужение, общую трапезу - и намекнул на то, что жизнь общины была, в общем-то, не очень хорошо организована. Однако, некоторые черты организации, несомненно, были. Они касались не всей жизни общины как большого "общего дела", а лишь некоторых частных моментов, лишь некоторых отдельных дел.

Так, например, в какой-то момент я заметил, что в трапезной, в углу, стоит небольшой шкаф с книгами. Каждый прихожанин мог взять любую книгу, унести домой и почитать. Никакой регистрации не требовалось: достаточно было лишь самому записаться в небольшой журнал. Можно было принести любую книгу - детскую, художественную, или же духовную - и так же свободно поставить её в этот шкаф. Дело это, видимо, было очень несложное. Оно представляло собой всё тот же "нулевой уровень организации", поскольку состояло только из шкафа со стоящими книгами и лежащей рядом тетрадки. Но, может быть, именно поэтому (т.е. из-за отсутствия всякой организации) оно создавало здесь очень простую, уютную, домашнюю обстановку.

Другим делом, проходившим, правда, всего несколько раз в году, была приходская благотворительная ярмарка. Не очень часто, как правило, в связи с большими церковными праздниками, здесь устраивался своеобразный обмен вещами. Каждый мог принести всё, что угодно: книги, одежду, какие-то поделки, произведения искусства, игрушки, цветы и т.д. - и за совершенно символическую цену "продать" всё это какому-

нибудь другому прихожанину. По существу, это было просто средством взаимного обмена между прихожанами хорошими вещами. Помню, я как-то "купил" здесь замечательное зимнее пальто всего за 10 рублей. Те небольшие средства, которые всё-таки удавалось от этих "распродаж" выручить, шли, видимо, на приходские нужды - организацию всё тех же трапез, или праздничных детских спектаклей. Об этих спектаклях - особая речь.

Два или три раза в год - на Рождество, на Пасху, и, может быть, ещё осенью, здесь устраивались большие праздничные представления. Готовиться к ним обычно начинали заранее. Группа творческих прихожан выбирала сценарий - обычно из евангельских или римских времён. Возможно, некоторые сценарии так прямо и сочинялись здесь же, в этом монастыре. Начинались репетиции. В них участвовала значительная часть прихода: как дети самых разных возрастов, так и наиболее активные прихожане. Наконец, ближе к празднику представление было готово. В нужный день в трапезную (всё это происходило здесь же, в этом большом зале) набивалось порядочно зрителей и гостей. У стены возникала импровизированная сцена. Зрители рассаживались в рядах.

Театральное представление обычно проходило увлекательно и ярко. Играли только дети. Интересно было видеть в их исполнении сцены из жизни первых христиан, или из времён упадка римской империи. Постановка осуществлялась необычно, с выдумкой. Так, помню, в одном спектакле роль нечестивого царя играл совсем маленький мальчик. Он самоуверенно сидел на троне и, картавя, посылал на казнь первых христиан. В целом, впечатление от спектаклей оставалось живое и свежее. Возникало чувство, что здесь собираются живые, интересные, творческие люди, которым свойственны и юмор, и выдумка - и поэтому сюда хотелось приходить.

Но всё это, если можно так сказать, были "дела развлечения". И трапезы, и книжный шкаф, и ярмарка, и даже детские спектакли не представляли собой чего-то серьёзного. Всё это, конечно же, наполняло жизнь, объединяло людей, создавало яркие жизненные впечатления, но всё это трудно было назвать настоящим делом. Сознательной, планомерной работы,

связанной с приобщением людей к вере, наставлением их, взаимной заботой, осуществлением в своей жизни всего, что ведёт ко спасению, здесь почти не было. И, тем не менее, некоторые "следы" такой работы всё же можно было найти. Это было совсем не то, что требовалось, что могло бы и должно было быть в таком месте - но всё же это был некоторый намёк на христианскую деятельность. К описанию этих черт здешней жизни теперь и перейду.

.....

Так, в одном из крыльев этого огромного здания, в небольшой комнатке находилась одна очень интересная организация, имевшая название "Помощь заключённым". В ней работали женщины, которые собирали и отправляли заключённым посылки, а также писали ободряющие их письма. Об этой деятельности знали все прихожане храма: на галерее у храма был стенд, где постоянно публиковались связанные с этим новости. В принципе, любой прихожанин мог принять в ней участие - присоединиться к собиранию посылок, или же написать кому-нибудь из заключённых письмо. Я тоже пробовал присоединиться к этим заботам. Несколько раз я участвовал в укладывании посылок, и даже пробовал сочинять письма. Но потом у меня почему-то это дело не пошло. Я впоследствии пробовал понять причины этого - и теперь поделюсь своими мыслями.

Во всём этом, казалось бы, столь добром и полезном деле поражало отсутствие подлинной мотивации. Ну почему, к примеру, у меня, или, лучше сказать, у нас с вами, дорогой читатель, может возникнуть потребность в такой переписке?.. Каким образом это вытекает из нашей с вами реальной жизни?.. Скажу даже больше - это не только никак не вытекает из реальных потребностей нашей с вами частной жизни, но это никак не вытекает и из реальных потребностей всей Церкви, или какого-нибудь отдельного церковного прихода.

Пусть не торопятся обвинять меня в бесчувствии! Пусть не говорят, что я не учёл потребностей несчастных заключённых! Поясню свою мысль. У меня был знакомый, который начитался Ницше, что-то такое совершил - и действительно в результате какое-то время провёл в заключении. Так вот, выйдя оттуда, он

действительно имел все основания поддерживать отношения со своими прежними товарищами по заключению, переписываться с ними, помогать тем из них, которые выходили из заключения, снова освоиться в реальной жизни. Он и действительно делал это. Кроме того, он стал глубоко верующим человеком - и поэтому у него, в принципе, была возможность заниматься такой деятельностью при каком-нибудь храме. Добавлю и ещё одно: эти происшествия в его судьбе пробудили и во мне некоторый интерес к этой теме - но всё это лишь потому, что он сам был мне интересен. Так нас может по-настоящему заинтересовать лишь то, что нас действительно касается.

Можно представить себе, что у кого-то (конечно, не дай Бог!) близкий друг попадёт в заключение, или сотрудник по работе, или (что уж совсем трудно себе представить!) духовный брат из церковного прихода - и тогда у него будут самые прямые основания познакомиться с этой темой, с жизнью подобных мест, приобрести некоторых знакомых среди таких людей. Да и то вряд ли. Скорее, это станет задачей самого человека, который попал в такую переделку - это его жизнь изменится, это он приобретёт новый опыт, но вряд ли это распространится на его прежних знакомых. Наша жизнь так устроена, что между обычной "свободной" жизнью и этой системой наказания и исправления существует некий "барьер". Человек, который попадает в такие места, как бы "изымается" из обычной жизни, и поддерживать с ним отношения становится чрезвычайно сложно. Впоследствии у него возникают такие же сложности при возвращении в обычную жизнь. Всё это, конечно, ненормально, и рисует определённые нарушения и искажения в нашем обществе, но это реальность. Во всяком случае, реальная помощь возможна или между самими заключёнными в местах лишения свободы, или между бывшими заключёнными, или со стороны бывших заключённых, или в том случае, когда группа людей начинает целенаправленно ходить в места лишения свободы, совершенно ясно отдавая себе отчёт, на что они идут, и что их там ждёт.

Но здесь вы просто приходите в храм, и вам дают неизвестно откуда взявшуюся кипу адресов, и предлагают писать по совершенно незнакомым адресам совершенно незнакомым людям!.. Какие у вас могут быть основания делать это? Правда,

некоторые основания у этого дела всё-таки есть: это радость самого заключённого, когда он сидит у себя на нарах, и вдруг ему приходит посылка, и в ней чай, и сахар, и конфеты, и к тому же молитвослов и Евангелие, зубная паста и чистые носки!.. Может быть, этой-то радостью всё и окупается?.. Да, но будет ли у этого какое-нибудь продолжение?.. Может ли он надеяться, что приобрёл настоящих верующих знакомых, с которыми сможет общаться, которые будут его поддерживать в дальнейшей жизни - и, в первую очередь, в тот непростой период, когда он выйдет на волю из заключения?.. Вряд ли, а если взглянуть трезво, то можно даже уверенно сказать, что не так. Дело в том, что в подобных организациях существует даже негласное (а, может быть, и вполне гласное) правило, согласно которому служащие их никогда не должны лично общаться со своими бывшими "подопечными". Ведь в подобных организациях работают обычно молоденькие девушки, горящие самым искренним христианским желанием помочь всему миру - и вполне понятно, какие нежелательные изменения могли бы вызвать подобные встречи в их судьбе. Получается, что всё это дело имеет характер несколько умозрительный, нереальный. Заключённым, конечно, помогают - но эта помощь оказывается, если можно так сказать, "на кончике ножа". Она носит несколько "обезличенный" характер: реальный человек, находящийся "на том конце", никого, по-настоящему, не интересует.

Но, может быть, и то слава Богу?.. И иначе он бы и этого был лишён?..

Да, похоже, что это действительно так, и потому в такой деятельности есть, конечно, своя польза и правда. И всё же поражает некоторая её искусственность, то, что она практически никак не рождается из реальных потребностей современной церковной жизни. Почему же она, тем не менее, существует? По-видимому, мы имеем здесь дело с некоторым "следом" в нашей церковной современности дореволюционной церковной жизни. В то время Церковь была достаточно прочно связана с государством. Возникло, возможно, "разделение труда" между государством и Церковью: государство организовывало общественную жизнь, и, в частности, заботилось о наказании и исправлении преступников, а Церковь исполняла в этом

духовную роль, смягчала жизнь общества христианским милосердием. Возникло, вероятно, некоторое "клише" в общественном сознании - что верующие люди обязательно должны заниматься подобной деятельностью, идти в места заключения, заботиться о духовном наставлении и исправлении заключённых. Как некоторый "смягчённый" вариант, почти не требующий серьёзных усилий, возникла эта идея писать письма. В результате даже и теперь, в годы нашего нового обращения к вере, как-то привычно считается, что верующие люди "должны" заниматься подобной деятельностью (а заодно и работать с другими "проблемными" группами населения - брошенными детьми в детских домах, пожилыми людьми в домах престарелых, больными в больницах). Но это в действительности не так. Верующие люди вообще ничего не "должны" - они могут этим заниматься, или не заниматься. Могут и действительно пойти в детский дом, или в колонию, или посетить больницу, или действительно писать письма. Но никакой необходимости в этом нет, это зависит от их собственного желания и решения. Представление о том, что они в каком-то смысле "должны" это делать, что для них «свойственно» заниматься подобной деятельностью - это, скорее всего, наследие прежней эпохи, которая уже давно закончилась.

Нам теперь даже трудно и представить себе, какие непростые события произошло с нашей Церковью в течение 20-го века, и как многое нас теперь отделяет от ситуации века 19-го. Тогда, в начале 20-го века, произошёл почти полный отход населения от веры. Сформировалось совершенно новое, атеистическое государство. Общество разделилось на множество групп, которые враждовали между собой, и в результате их вражды и их борьбы за власть множество людей погибло. В мировом масштабе в первой половине 20-го века произошли две мировые войны. После этого в нашей стране наступило более спокойное время, которое, однако, кончилось периодом застоя. И лишь после того вся прежняя советская система стала шататься и рухнула, а для Церкви наметилась некоторая возможность возрождения. К вере пришло множество новых людей, не имевших никакого традиционного воспитания, которые не могли иметь никакого реального представления о том, как складывалась

общественная и церковная жизнь в России конца 19-го - начале 20-го века. Во всём надо было разбираться, всё надо было постигать заново. Наступил, по существу, новый период нашей церковной истории.

И в этих условиях находились люди, которые этого будто не замечали, которые и в этой новой реальности предпочитали жить прошлым. По их представлениям выходило, что ничего серьёзного у нас не произошло, что всё это было чем-то мелким и поверхностным, и что вот теперь всё это закончилось - и всё снова пойдёт по-прежнему. Они представляли дело так, будто теперь, после всех происшедших событий, можно снова строить и развивать церковную жизнь, опираясь на дореволюционное прошлое. Конечно, думать так было по меньшей мере нетрезво. Этим такие люди, фактически, отнимали у современной Церкви надежду на какую-либо более-менее полноценную современную жизнь - а значит, и на какое-нибудь более-менее полноценное будущее. Все мысли и стремления их принадлежали прошлому. Но прошлое уже прошло, его невозможно повторить, и значит, единственная возможность для таких людей - отгородиться от окружающей их наличной реальности, замкнуться в своих мечтах и фантазиях, построить в своём сознании искусственный, «виртуальный» мир - и в этом мире жить.

Таких людей мы достаточно встречали в нашей Церкви в эти прошедшие годы церковного возрождения. Одни упорно представляли себя «первыми христианами». Другие были уверены, что они ученики и современники древних Отцов. Третьи представляли себя последователями Григория Паламы. Четвёртые представляли, что они живут в эпоху Петра I, или Екатерины Великой, или заполняли сознание сведениями о дореволюционных князьях и княгинях. Я хочу вести речь о вещах более простых, с которыми каждый, несомненно, сталкивался в нашей приходской жизни, но которые, по моему глубокому убеждению, тоже являются в нашей современной Церковной жизни "следом" предреволюционного прошлого.

Вот, например, детские воскресные школы. Они, на первый взгляд, являются совершенно естественной частью нашей приходской жизни. Сколько их было открыто с самых первых лет церковного возрождения вплоть до нашего времени! Но не все

понимают, что в нашей современной церковной жизни их положение, скорее, подчинённое, второстепенное, что они могут быть лишь некоторым дополнением к полноценному и серьёзному наставлению взрослых людей. Там, где на первый план выходит детская воскресная школа, церковная жизнь неизбежно выходит неполноценной, искажённой. Внимание в Церкви, в первую очередь, должно уделяться понятиям, отношениям, взаимодействию взрослых прихожан.

А между тем, сплошь и рядом в наших церковных приходах за эти 30 лет бывало по-другому! Стоит открыться храму, начаться богослужениям - и уже готова кучка прихожан с идеей: «Давайте создадим воскресную школу!» В лучшем случае они имеют в виду ту мысль, что такие заботы о своих детях и об их воспитании смогут объединить также и взрослых прихожан. Но не с этого же надо начинать! Понятно, что такие представления ведут своё начало от дореволюционного времени, когда вера была распространена в стране уже много веков, и поэтому все традиционно привыкли к тому, чтобы обучать сразу детей вере. Надо ли говорить о том, насколько это не соответствовало нашему времени!

Многие привыкли считать вполне естественным атрибутом жизни наших православных храмов паломнические поездки. То и дело группа людей куда-то собирается, садится в автобус и... едет неизвестно куда. Вряд ли, как правило, при этом люди едут по делу. Скорее, просто отдохнуть, сменить обстановку, получить новые впечатления. Едут они обычно в другие монастыри и храмы, где их лично, как правило, никто не знает, куда их лично никто не приглашал. Считается достойным и полезным просто «провести время» поблизости от незнакомого храма, зайти туда на службу, подойти к незнакомому священнику, про которого, возможно, известно, что он особо духовно одарён, «прозорлив», и т.д. При этом человек забывает о своей реальной жизненной обстановке, о своих насущных делах, полностью «погружается в атмосферу» этого особого, благодатного места...

Спору нет - всё это может оказаться полезным, особенно на первых этапах духовной жизни человека. Но вслед за этим должна начаться его собственная духовная жизнь! Нужно научиться жить с верой именно здесь и теперь, в своей реальной

жизненной обстановке. Нужно приобрести ясные и прочные понятия о вере, надёжных верующих знакомых, найти дела, которыми можно заниматься вместе с ними здесь, в нашей реальной городской обстановке. Всё это вряд ли найдёшь в далёких поездках. Они могут дать яркие, незабываемые впечатления, побудить человека начать духовную жизнь, помочь на первых порах познакомиться - но уже дальше должен начаться его собственный духовный труд. Невозможно всю жизнь проводить в развлекательных паломнических поездках.

Между тем некоторые относятся к этому иначе, и паломнические поездки у нас в Церкви по-прежнему очень распространены. Вовсю работают паломнические службы, многие видят в таких поездках чуть ли не главные и самые яркие впечатления своей церковной жизни. Возможно, это тоже "след" в нашей современной церковной реальности церковной и общественной ситуации конца XIX века. Тогда вера была привычной, всюду были храмы и монастыри, и у людей могла возникнуть привычка постоянно ездить и ходить между ними. Существовала, например, традиция пеших паломничеств, «странники», которые ходили между храмами и монастырями, останавливались и работали при них... Теперь всё это безвозвратно ушло в прошлое. Но в годы нашего церковного возрождения некоторые люди, думая, как нам восстановить нашу церковную жизнь, невольно остановили своё внимание на этой традиции. Здесь, видимо, ситуация та же, что и в случае воскресных школ. «Прежде были воскресные школы, в которых учили детей - так пусть они будут и у нас». И здесь то же: «Прежде были храмы и монастыри, между которыми постоянно ездили паломники - так пусть и у нас будет то же самое». Восстановили несколько самых известных храмов и монастырей, пустили автобусы - и понеслось... Нет, я не спорю - всё это по-своему интересно и хорошо! Я ведь уже сказал, что где-то человек должен получить свои первые духовные впечатления, что-то должно побудить его начать духовную жизнь. Но сразу вслед за этим должно начаться что-то более серьёзное. Простым «курсированием» между известными храмами и монастырями здесь не обойтись. Я бы даже так сказал - только тогда и начинается в человеке подлинная духовная жизнь, когда этот

«паломнический» период его жизни заканчивается. Тогда он начинает обращать своё внимание не на какие-то далёкие «благодатные» места, а на Бога, внутрь себя, и на реальную окружающую его жизнь. А то, что было перед этим - это так, подготовительный, предварительный этап! Конечно, хорошо куда-то съездить - но нужно сделать это раз, два, а потом и настоящим делом заняться! И если ездить теперь куда-нибудь, то теперь уже к конкретным людям, по делам... А ещё лучше и вовсе никуда не ездить, а молиться, общаться с людьми и заниматься конкретным делом здесь же, на своём месте!.. Таково нормальное, естественное отношение православного верующего человека к паломническим поездкам и к различным «святым местам».

Вот так решается вопрос о посещении святых мест, если трезво и внимательно к нему подойти. А тем временем паломнические службы по-прежнему существуют, и автобусы по-прежнему курсируют между монастырями, и толпы паломников мечутся по стране в поисках «благодатных мест». Мне кажется, они в какой-то степени «прожигают свою жизнь». Здесь присутствует стремление уйти от реальности, от своих подлинных жизненных задач, и одновременно - элемент духовного потребительства, поскольку люди "пользуются" той духовной обстановкой, которая создана в этих местах другими людьми. А причина - в том, что некоторые люди у нас, вместо того, чтобы оглядеться вокруг и понять, что же нужно церковной жизни именно здесь и сейчас, просто устремили свои глаза в прошлое и сказали: «Ну вот, это всё было в нашей российской церковной жизни конца XIX века - так пусть то же самое будет и у нас!»

Я думаю, нечто подобное произошло и в отношении социальных задач Церкви. Обстановка церковного возрождения 90-х годов ставила перед нами ряд непростых вопросов: как жить в новых условиях с верой, как строить отношения друг с другом, чем заниматься?.. Впереди было огромное поле деятельности, связанное объединением верующих людей, организацией их взаимопомощи, совместными усилиями в проповеди веры, привлечением в Церковь молодёжи, и т.д. Но некоторые люди не слишком в это вникали, а просто взглянули назад и

воспользовались старыми "клише": «Ах, так мы стали верующими? Ну, значит, нам надо обязательно идти в тюрьмы, детские дома, в дома престарелых, в самые тяжёлые больницы - т.е. туда, куда уже никто не хочет идти, куда людей поместили и от них отказались». Всё уже как бы было заранее решено. Но в действительности это не так. Церковь вовсе не призвана решать эти общественные проблемы, «затыкать собой» эти «дыры» общественной жизни. Она призвана проповедовать и распространять веру, объединять людей на этой основе, эти люди призваны поддерживать друг друга и тех, которые находятся вокруг них. Через это и этих «дыр» и проблем в общественной жизни будет меньше. Но идти в какие-то особые «проблемные» места и выполнять там какие-то особые функции верующие люди вовсе не должны. Впрочем, если у них есть на это силы и к этому призвание, то и в тюрьму, и в детский дом пойдут, и заключённым письма напишут... Просто это не главное...

Вот на какие мысли меня навела та небольшая организация, которая размещалась в дальнем крыле этого здания, и в которой занимались отправкой вещей и писем в далёкие тюрьмы и колонии. Не было ведь во всём этом самом по себе ничего плохого!.. И женщины эти находили применение своей энергии - и заключённые получали в этих посылках тёплые письма, мыло и шерстяные носки!.. Но я веду речь о естественности и уместности этих действий. Если дело это делается из естественной потребности, если оно родилось здесь же, в душах и сердцах людей - то тогда хорошо, а если его делают потому, что «так принято», «так надо», если оно «спущено сверху» - то тогда боюсь, что оно будет не нужно ни людям, ни Богу.

И разве не это же мы видим иногда и в других приходах?.. Иногда приходишь в какой-нибудь большой храм, и там вроде бы всё есть - и воскресная школа, и большой хор, и иконы пишут, и по монастырям ездят, и пирожки пекут, и даже заключённым письма посылают... И только чего-то главного - настоящей жизни - нет. И всё потому, что всё это сделано "по трафарету", что всё это «клише», или «калька» с церковной жизни XIX века. Здесь не захотели оглядеться вокруг и понять, а что же именно нужно этому городу, этому времени, а остановились на той мысли, что у нас здесь всё «как надо», «как принято». И сразу, честное слово,

теряешь всякий интерес к таким храмам. Потому что главное свойство Церкви, то, чем она отличается от всех других организаций — это именно чуткость к человеку, к реальной жизни, к современности. Это место не для тех, которые думают про себя, что они стоят на древнем прочном фундаменте, и поэтому они правы. Это место для тех, кто действительно обрёл вечную опору в жизни - и поэтому трезво смотрит вокруг и живёт окружающей реальностью. А так, конечно, можно при желании сделать и что-то привычное, традиционное - например, письма заключённым написать... Вот на какие мысли меня навела эта маленькая благотворительная организация.

Ну, а теперь вернусь к моим прежним впечатлениям о монастыре.

Конкретные дела (продолжение). Общий Взгляд

Из других конкретных дел, которые совершались в этом монастыре, коротко упомяну ещё два. Первым, в полном соответствии с тем, что я только что описал, было посещение одной больницы. Этим тоже занималась группа женщин, и они тоже имели свой стенд на стене около храма. Они с открытой душой предлагали любому прихожанину вместе с ними заняться их делом. Но беда в том, что больница эта была самая тяжёлая - психиатрическая. И ходили они в ней в самое тяжёлое отделение, в котором творилось что-то невообразимое. Пусть читатель представит себя на моём месте. Человек приходит в недавно открытый храм, начинает ходить в него, привыкает к богослужению, обретает новых знакомых... И вдруг ему предлагают пойти в одно из самых мрачных мест, какие только есть в Москве, о котором он в обычном своём состоянии предпочитает даже и не думать! Конечно, он совершенно к этому не готов! К таким вещам людей нужно специально готовить. Нужно подобрать людей, подходящих к этому делу, пойти с ними сначала в какое-нибудь более "простое" место. Но как раз этого здесь совершенно и не было. Негде было постепенно войти в курс дела, испытать себя на более простых делах, чтобы впоследствии (если, конечно, Бог даст) отправиться и в столь непростое место. Просто ходили несколько женщин в самое

сложное отделение самой сложной больницы - и с открытыми и наивными лицами предлагали тем же заняться и каждому.

Это наводит меня на следующие мысли. В приходской жизни всё должно быть очень хорошо организовано. В храм приходят самые разные люди, самого разного жизненного опыта, умений, понятий. Каждый должен найти здесь своё место, но это не происходит само собой. Нужна целая «система» приходских дел, которая постепенно людей в себя вовлечёт. Вот здесь, к примеру, происходит наставление приходящих к вере людей, и одновременно они знакомятся, а здесь они вместе читают Евангелие, а здесь они помогают друг другу и другим нуждающимся людям, а здесь, наконец, идут в самое сложное отделение самой сложной больницы... Тогда любой человек сможет постепенно войти в курс дела, и постепенно займёт в этой сложной общей жизни своё место. Но у нас в приходе этого не было. Люди просто ходили на богослужение, потом сидели вместе за большой беспорядочной трапезой - а некоторые отдельные люди занимались отдельными делами, которые никак из этой жизни не рождались.

Вот, например, эти женщины. Они, несомненно, делали доброе дело. Это дело было даже более добрым, чем отправка посылок заключённым, поскольку они действительно ходили в это отделение, действительно общались с этими больными. С их стороны это было очень самоотверженно. Но как они нашли это отделение, почему они начали ходить в него?.. Видимо, это произошло ещё в каком-то другом храме, ещё до открытия этого монастыря. Они уже имели в этом опыт, это было дело их узкого круга. И это дело никак не вписывалось в жизнь монастыря, никак не вытекало из неё. Оно тоже было как бы "наклеено" на эту жизнь, и потому почти не могло вовлекать в себя новых людей. По крайней мере, так мне это представляется.

Итак, некоторые добрые дела в этом монастыре делались. Но из-за того, что они не представляли единой стройной системы, так что новому человеку было очень трудно включиться в приходскую жизнь и найти в ней своё место, всё это не оставляло впечатления чего-то цельного. По существу, это была не единая и стройная приходская жизнь, а отдельные группы людей и их отдельные, разрозненные занятия.

И последнее дело, которое я хотел бы здесь описать, это детская школа. Собственно, это и было самым главным, заметным делом в монастыре, вокруг которого здесь многое "крутилось". Как я уже сказал, дети многих прихожан ходили в эту школу - и, быть может, именно ради этого-то многие прихожане и пришли в этот монастырь и в этот храм.

Школа эта занимала одно из крыльев в зданиях монастыря. В неё вел красивый, необычно отделанный подъезд, а внутри было много помещений и кабинетов. Видел я и детей, которые обучались в ней. Они выходили из этого подъезда, стайками гуляли по территории монастыря, выходили за ворота на набережную, гуляли по Воробьёвым горам. Безусловно, им здесь было хорошо. Я иногда думал: хорошо бы сюда определить на обучение детей некоторых моих верующих родственников и знакомых! Но потом я навёл справки и понял, что это вряд ли возможно. Школа эта была достаточно "элитарной". В ней дети обучались "по полной программе", получали полное среднее образование, и плата за обучение была достаточно высока. Это, в каком-то смысле, была школа "для своих". Многие люди, желающие, чтобы их дети учились в такой обстановке, просто не смогли бы это "потянуть". То же касалось и большинства моих верующих родственников и знакомых.

Это ставит передо мной два вопроса: во-первых, в целом о детском церковном образовании, и во-вторых - о таких вот элитарных школах. Не секрет (и я уже пытался это показать), что наше время - это время прихода именно взрослых людей к вере, их постепенного освоения в церковной жизни. Детское образование играет по сравнению с этим лишь второстепенную роль. Но в некоторых храмах (или, лучше сказать, церковных кругах) к этому относились иначе, и главные силы свои полагали именно на образование и воспитание детей. Это, например, происходило в начале 90-х, когда при многих храмах в первую очередь старались открыть детские воскресные школы. Из этого, как правило, ничего не выходило - породив множество проблем и в приходе, и в самих семьях, эти школы, в конце концов, благополучно распадались. Дело было даже не в плохой организации (хотя и организации, конечно, неоткуда было взяться), а в самой их идее, в том, что они самым явным образом

игнорировали настоятельные потребности нашего времени. Их создатели как бы говорили: "Ну и что, что к вере сейчас приходит множество взрослых людей, что они ждут наставления, что именно в этом сейчас главная потребность времени - а мы будем жить по старинке, воспитаем в вере детей, опираясь на прошлое - и этим обеспечим себе какое-никакое будущее". Но воспитать детей в вере они не могли, поскольку не имели опыта жизни в новых условиях, а прошлого нашей Церкви они не знали, поскольку не застали его, а изучали только по книгам. Так эти люди, пытавшиеся в воспитании детей опереться на неизвестное им прошлое, в действительности, и этой опоры не обрели, а заодно лишили себя и настоящего, и будущего.

Нет, в наше время была единственная возможность - самим прийти к вере, самим обрести живой, реальный, современный опыт - и после, если представится такая возможность, передать его своим детям. Именно таким образом для Церкви обеспечивалось и некоторое живое, реальное настоящее - и некоторое ещё неизвестное будущее.

Такова, в общих чертах, картина одной иллюзии, или ошибки, которая в достаточно широких масштабах осуществилась в нашей церковной жизни в сравнительно недавнее время.

Правда, в этом монастыре осуществился другой вариант. Здесь уже был достаточно широкий круг взрослых верующих людей, которые уже жили достаточно глубокой современной церковной жизнью, и которые вместе решили позаботиться о воспитании собственных детей. Вроде бы это было совершенно нормально и естественно, и здесь осуществилось как раз то, что должно быть. Но здесь возникала другая проблема - именно замкнутости учебного заведения, его "элитарности". Как я уже сказал, эта школа была школой "для своих". Посторонний, случайный человек вряд ли смог бы в неё попасть. И вот возникает картина - образованный, просвещённый, в каком-то смысле "элитарный" круг собирается в этом монастыре и создаёт эту школу, чтобы давать здесь такое же "элитарное" образование своим детям. Вроде бы, и слава Богу, если они имели для этого соответствующие возможности и смогли всё это устроить! И всё же душу верующего человека здесь что-то смущает и кажется не

совсем правильным. Невольно возникает вопрос - насколько всё это соответствует христианской вере? Ведь христианство по сути своей открыто, всегда направлено к спасению всех вокруг - и взрослых, и детей - а эти люди слишком «замкнулись» на себе самих и на своих собственных детях.

В действительности, как бы ни было организовано детское церковное образование - как те полукустарные воскресные школы начала 90-х годов, или как эта серьёзная, хорошо организованная элитная школа, оно всегда представляет для Церкви некоторую проблему. Нам свойственно, пожалуй, придавать излишнее значение вопросам детского воспитания. Но это - черта именно неверующего человека, который все свои надежды на счастье связывает с продолжением рода и заботой о детях. Именно среди таких людей получили хождение такие изречения, как "дети - наше будущее", и "всё лучшее - детям". Но в Церкви, где существует вечное измерение, и где люди стремятся не "в будущее", а к Богу, это не совсем так. Здесь главную роль играет полноценная духовная жизнь каждого её члена - в первую очередь взрослых людей. Дети просто подрастают рядом и постепенно включаются в эту жизнь. Библия очень мало уделяет внимания вопросам воспитания детей. В ней действуют юные, взрослые и пожилые люди, но не дети. Причина понятна: всё главное в жизни происходит между взрослыми людьми, дети ещё не являются "действующими лицами", они ещё только готовятся включиться в эту жизнь. Важно, чтобы эта жизнь взрослых была счастлива, полноценна и глубока - тогда это "включение" произойдёт естественно. В Церкви почти не уделяется внимания вопросам воспитания детей. В храмах, церковных общинах главную роль играют взрослые прихожане, в основном мужчины. Для детей вполне достаточно, если они будут воспитываться дома. Для них даже лучше, если они будут ходить в обычную школу, а не в какую-то особую, созданную специально для верующих детей. Все свои церковные впечатления они получают дома, глядя на жизнь родителей, на их взаимоотношения с другими прихожанами, на дружбу и общение верующих семей. Важно, чтобы это было - и именно на это должны быть направлены усилия тех верующих людей, которые заботятся о своих детях.

Если же такая школа всё-таки будет создана, то невольно может случиться, что в ней дети выйдут на первый план, что всё в приходе будет "вращаться" вокруг них. Таким образом, в этой обстановке некоторые важные черты церковной жизни будут нарушены. Причина проста - в этом случае в Церковь переносятся правила и законы мирской, нецерковной жизни. И поэтому когда мы увидим храм, в котором почему-то детям уделяется особое внимание, в котором они во всём ставятся на первое место, и в котором основная забота оказывается им, то мы вовсе не будем радоваться, а, наоборот, с печалью отметим, что церковная жизнь здесь в какой-то степени искажена. Видимо, что-то подобное произошло и в этом храме.

Остановлюсь ещё на одном, последнем вопросе. Пусть детское образование в Церкви не главное, но мы его всё же готовы принять, если оно приносит серьёзные плоды, если в результате его дети в будущем действительно становятся христианами. Однако, и это во многих случаях бывает не так. Мне приходилось общаться с выпускниками подобных школ, но ни в ком из них я не заметил какой-либо особо горячей веры. Это были люди культурные, образованные, принадлежащие к своему кругу, но они вовсе не посвящали всю свою жизнь Церкви. Это и понятно: такие школы и не могут «готовить христиан», они могут готовить лишь людей образованных и культурных. Для того, чтобы стать христианином, человек должен переродиться, в нём должен произойти глубокий внутренний переворот, и этому, конечно же, нельзя «научиться». Со многими людьми это происходит в зрелом возрасте, иногда - в молодости. Таким образом, многим выпускникам подобных школ это ещё предстоит. Мы лишь надеемся, что образование каким-то образом поможет этому. Но помогает ли?.. Ведь здесь может возникнуть другая проблема. Если человек десять лет учился в церковной школе, если он получил церковное образование, то он может считать, что он в церковной жизни уже "всё знает"! Зачем же ему стремиться к чему-то ещё, искать чего-то ещё?.. Не окажется ли его товарищ, не имеющий церковного образования, в каком-то смысле в более выгодном положении? Ведь у него ещё есть не использованный шанс глубоко и искренне прийти к вере!.. С удивлением приходится осознать, что некоторые

выпускники подобных церковных школ, возможно, уже лишены такой возможности. Им может мешать именно то, что они уже «всему научены», что они с детства считают себя людьми «церковными», и потому им вроде бы уже и незачем искать Бога, стремиться к Богу!.. Так из выпускника Московского Университета, с юности привыкшего сидеть на лекциях и над книгами, никогда не получится выросший в далёкой деревне, но всеми силами своей души устремлённый к познанию тайн окружающего мира Ломоносов. Всё это, конечно, нужно иметь в виду, обсуждая вопрос подобных церковных детских и юношеских школ.

Но я, пожалуй, слишком увлёкся, обсуждая эту достаточно далёкую от меня тему. Дело в том, что самому мне вопросами детского образования заниматься не пришлось, поэтому мысли, высказанные здесь мной, может быть, не слишком объективны. Я всего лишь следовал здесь принципам этих моих записок, и искренне изложил здесь, как я сам это тогда воспринимал, и что я теперь об этом думаю.

.....

Так тянулась жизнь этого монастыря. Некоторые главные её черты я описал. Главным здесь были, конечно же, сами люди, которые приходили сюда, сам круг этих людей. К тому времени, о котором я пишу, жизнь этого круга выходила далеко за пределы монастыря. То и дело приходилось слышать о каких-то концертах и вечерах, которые проходили в разных культурных центрах Москвы, и которые организовывали наиболее активные и творческие из прихожан. Некоторые из них были поэтами, и устраивали собственные выступления. Другие писали картины и проводили где-то выставки. Короче, культурная жизнь кипела. Деятельность этого круга людей приняла именно такое, культурное направление. Те дела христианского милосердия, которые я описал - помощь заключённым, посещение больницы, - были, в общем-то, для него не характерны. Иногда приходилось слышать, что некоторые прихожане со своими детьми отправились вместе в поход - что же, для них это тоже было вполне естественно. Таким образом, жизнь этого круга людей развивалась, в основном, в направлении отдыха, развлечений, реализации собственных способностей, собственного творчества.

Что же, может быть, и это не так уж плохо?.. Всё-таки, это была яркая, насыщенная жизнь, и, люди, по крайней мере, не сидели без дела. Может прийти на ум, что это лучше, чем ничего. И всё же смущало почти полное отсутствие в этой жизни христианского содержания, мотивов жертвенности, служения. Эти люди как будто совсем упустили из виду, что в Церкви нужно не только получать, но и отдавать. Для них будто бы это оказалось не столь важным, а важными оказались они сами, их собственная жизнь, возможность в их собственном кругу развивать свои способности и делать то, что они сами хотят. Мы здесь не находим серьёзных, планомерных усилий в миссионерской и социальной деятельности, в приведении к вере и наставлении людей. Эти люди как бы сказали себе: "Вот, мы сами пришли к вере, мы учим вере своих детей - и этого достаточно, этим исчерпываются наши обязанности по отношению к Церкви". Это, конечно, смущало и ослабляло впечатление от их круга.

Вспоминается один эпизод, который может оказаться случайным, но может и достаточно хорошо иллюстрировать суть дела. Как-то за трапезой зашла речь о недавно вышедшей книжке одного молодого поэта, человека из их же круга. Видимо, он был знакомый тех, кто сидел за столом, но, насколько я понял, никогда не был в этом монастыре - лишнее доказательство того, что этот круг далеко выходил за пределы монастыря и объединял множество самых разных людей. Первое стихотворение в этой книжке, которую мне дали почитать, начиналось так (прошу читателя не удивляться, предупреждаю заранее): "Господи, поиграй со мной, как со щенком!.." Я сидел и с удивлением рассматривал эту страницу книги. Поражала, в первую очередь, крайняя "изысканность", и, я бы сказал, "элитарность" высказывания. Впечатление было такое, что у Бога, по-видимому, и нет в мире других задач, как только играть с автором этой книги, как со Своим собственным щенком. Автор не просил у Бога ни крепкой веры, ни покаяния, ни чистоты души, ни приведения к вере своих близких (с которыми мы, даже и после прихода к вере всё-таки остаёмся крепко связаны), а просил о чём-то странном и изысканно-капризном. Невольно возникали вопросы: захочет ли Сам Бог с ним играть? И насколько это

полезно для него самого?.. И предусмотрено ли церковным богословием, чтобы у Бога был собственный щенок?.. Такие мысли как-то подспудно приходили мне, когда я с удивлением разглядывал эту страницу.

Видимо, ошибётся тот, кто будет искать в этой удивительно "смелой" поэзии какие-то особые глубины и высоты молитвенной жизни. Мне здесь видятся только проявления крайней изысканности и элитарности. Нехорошо мне, конечно, судить и оценивать внутреннюю жизнь незнакомого мне человека. Но в этом стихотворении мне увиделось нечто существенное, может быть, имеющее самое серьёзное отношение ко всему этому кругу людей. Во всех них временами проявлялась эта изысканность и элитарность. Все они временами напоминали мне таких же "щенков", играющих и резвящихся перед Богом. Они просто приходили в этот монастырь, просто пользовались этим местом для своих собраний. Им здесь было хорошо и приятно. Они ещё собирались где-то там в Москве на своих поэтических встречах. Они считали себя просвещёнными и образованными, могущими обо всех и обо всём судить. Но стремления к жертвенности и служению в них не было никакого. Любые разговоры на эту тему ими заведомо отвергались. Они создали здесь неплохую, культурную атмосферу - но только лишь для самих себя. Никакой "точки входа", возможности присоединиться к ним для постороннего человека не было. К ним, честно говоря, и не очень хотелось присоединяться. При взгляде на них - при всех их, несомненно, добрых чертах - становилось ясно, что всё-таки здесь что-то "не в порядке".

Я далёк от мысли, что мои описания этого монастыря оказались полными и исчерпывающими. Многих вещей я вовсе не описал. Другие описал - но так, как я это сам воспринимал и понимал. Я сосредоточил своё внимание, в основном, на характерах двух священников, на жизни общины в целом, на совершавшихся здесь делах, на общей характеристике приходящего сюда круга людей. Сюда ходило, конечно же, много ярких, необычных людей, и о некоторых из них можно было бы много рассказать - но я думаю, что сейчас этого делать не стоит. Всё-таки храм, особенно имеющий свою общину, хотя бы, как это было в данном случае, и неразвитую, воспринимается как

единое целое, и характеры отдельных людей здесь не так важны. Поэтому я ограничиваюсь в данном случае лишь общими описаниями, не вникая в детали.

Читатель, я надеюсь, запомнит общие картины жизни этого монастыря - саму эту свободную и просторную обстановку, молодого настоятеля, который обладал такими талантами, но, по-видимому, не осуществил своего призвания, второго священника, который и стал настоящим создателем общины этого монастыря, и этот круг людей - достаточно культурных, образованных, но, к сожалению, в большинстве своём лишённых стремления к служению и чувства ответственности за Церковь.

Я так старательно описываю эту обстановку вот почему. Дело в том, что, как я уже сказал, теперь уже ничего этого больше нет. Новые времена, новые порядки - и теперь уже никто не встретит там этих священников, этих прихожан... Так что я, может быть, «последний летописец» этой обстановки, и через какое-то время только по этим воспоминаниям и можно будет о ней в какой-то степени судить... Потому я так старательно и описываю всю эту обстановку - я сознаю, что работаю в каком-то смысле "для истории". Всё это - картины нашего теперешнего периода, картины теперь уже недавнего, но по существу нашего, теперешнего времени...

Ну, а теперь я всё-таки должен коротко описать, что же в конце концов произошло.

Перемены

Жизнь монастыря текла по-прежнему. Ничто не предвещало скорых изменений. Тем временем в Церкви нашей наступили новые времена. К власти пришёл новый Патриарх, а вместе с ним - новый круг людей. Во многих местах это уже ощущалось. Дошла очередь и до нашего монастыря. Однажды, приехав сюда, я встретил в воротах одного из прихожан, который, увидев меня, сразу воскликнул:

- А ты знаешь - наш отец А. больше не настоятель!..

Я захотел выяснить детали. В ответ он указал мне на листок, привешенный в воротах монастыря, на каком-то наспех сделанном, видимо, специально для этой цели стенде. В нём

сообщалось, что прежний настоятель освобождён от занимаемой должности, а вместо него в монастырь назначен новый настоятель, из монашествующих. Листок был, видимо, специально составлен для того и так, чтобы успокоить волнение и беспокойство прихожан. В нём подчёркивалось, что всё, по существу, всё не так уж и меняется - прежний настоятель, теряя настоятельство, тем не менее, сохранял за собой какую-то важную административную должность. Для убедительности и точности приводились названия и даты тех высоких собраний, на которых было принято это ответственное решение.

Потекли недели и месяцы перестройки внутренней жизни монастыря. Поначалу казалось, что всё действительно остаётся по-прежнему. Прежние прихожане продолжали ходить сюда, стараясь привыкнуть к новым порядкам. Новый настоятель поначалу их привечал, стараясь включить их в новую, достаточно сильно изменившуюся жизнь монастыря. Но постепенно становилось ясно, что для прежних людей это теперь уже практически невозможно. Появились новые люди, совсем других понятий и совсем другого культурного уровня, которые стремительно вводили здесь новые порядки. Прежним достаточно культурным и свободолюбивым "завсегдатаям" монастыря становилось здесь всё более неуютно. Они какое-то время ещё продолжали ходить сюда, стараясь вписаться в новую обстановку, но потом разочаровывались и начинали ходить в другие храмы. Так постепенно здесь полностью сменился состав прихожан.

Вместо идеи создания большой приходской общины здесь, наконец, возобладала идея создания монастыря. Я уже, кажется, сказал, что нет в нашей современной церковной жизни идеи более странной и несбыточной, чем эта. Наше время - это время создания именно церковно-приходских общин, а не монастырей. Если идею монашества всё же иногда пытаются осуществить, то это приводит к созданию крайне малолюдных монашеских общин, всего на несколько человек, которые практически никак не влияют на нашу современную реальную церковную жизнь, и практически не способствуют приходу новых людей в Церковь. Так, видимо, в конце концов получилось и здесь. Для обычного жителя Москвы, например, не имеет никакого значения, что в

одном из дальних крыльев этого монастыря живёт несколько человек, которые стараются больше молиться, поддерживают в своей среде определённый распорядок, регулярно совершают богослужения. Это никак не может быть равноценной заменой прежней общины из 200 человек, состоявшей из культурных, интеллигентных людей, погружённых в самую гущу общественной жизни Москвы, занимавшихся творчеством, воспитывавших в вере своих детей, несмотря даже на некоторые их особенности, которые я здесь описал.

Теперь, когда всё это уже произошло, хочется окинуть взглядом всё это время в целом, и понять, какой же во всём этом был смысл. Этот монастырь возник на волне нашего церковного возрождения, благодаря усилиям людей, которые желали только одного - возвращения Церкви прежде отобранных храмов, и возобновления в них церковной жизни. Благодаря их усилиям в этом безлюдном месте возник новый центр церковной жизни, который, однако, из-за этой безлюдности, был лишён собственных прихожан. Для того, чтобы наполнить его прихожанами, послужили образованные круги - это был один из факультетов находящегося неподалёку Московского Университета, а также община, связанная своим происхождением с именем отца Александра Меня. Этот последний круг является несколько спорным в Церкви, но именно он сыграл здесь свою особую роль - в первую очередь, из-за своей "мобильности", не связанности ни с каким определённым храмом. Но люди, которые приходили сюда, не занимались никаким серьёзным церковным делом, они приходили сюда просто "отдыхать". Никто не стремился их объединить, организовать, поставить перед ними какие-то серьёзные задачи. Здесь мог бы возникнуть духовно-просветительский центр, который способствовал бы приходу к вере множества новых людей, но этого не произошло. Настоятель не был настроен на широкую проповедь веры, его интересы носили, скорее, книжный характер, он воплощал идеи церковного круга, который в то время уже терял своё влияние, уже уходил с арены церковной жизни. Тем не менее, благодаря усилиям многих людей в монастыре всё же возникла своя особая атмосфера, всё же совершалось много доброго. И вот вдруг благодаря новым, неожиданным событиям всё это исчезает. Вся

прежняя обстановка этого монастыря, его неповторимая атмосфера, его община, складывавшаяся почти два десятилетия, будто растворяются в воздухе. Не знаю, может быть, я несправедлив, но мне почему-то больше не хочется приезжать в этот монастырь. Не потому, что мне это физически трудно - я в любой момент могу сесть на метро и туда приехать - но потому, что я больше не найду там привычной атмосферы, не встречу знакомых лиц. Появилось сознание, что всё, что там было, несмотря даже на некоторые странности и особенности, по-своему уникально. Что никогда и нигде в мире не было и не будет такого монастыря, таких двух священников, таких прихожан. Что и вообще вся обстановка церковного возрождения, первых шагов нашей церковной жизни в 90-е и начало 2000-х годов уникальна, что ничего подобного не было в прошлые десятилетия и уже не повторится в ближайшие десятки лет. Что невольно вся эта обстановка становится "точкой отсчёта" для нашей теперешней церковной жизни, и что только то в этой жизни и может считаться живым и подлинным, что непосредственно вытекает из этой обстановки, внутренне соответствует ей. Так для чего же было разрушать эту складывавшуюся почти два десятилетия обстановку?.. Не лучше ли было бережно сохранить её, и на этом фундаменте - уж не знаю, прочном или не очень, но таком, какой Бог дал - построить что-то новое?..

В случае этого монастыря современные реформы нашей церковной жизни, в целом, несомненно, прогрессивные, видимо, дали "сбой". Мы здесь с удивлением увидели образ Церкви, которая "борется сама с собой", уничтожает и разрушает то, что она перед этим с такой любовью и заботой сама же родила и вскормила. Жизнь монастыря после этих реформ, несомненно, сделала шаг не вперёд, а назад.

Какие же выводы можно сделать из всей этой истории? Общая картина как-то не складывается. Я и пишу не для того, чтобы делать окончательные выводы, давать окончательные оценки, а просто для того, чтобы, как свидетель, описать эти картины. Вот, может быть, один из выводов. Я уже сказал, из каких соображений начали восстанавливать этот монастырь, и как много здесь играла идея "возвращения зданий". Так вот,

никогда не делать так! Всегда начинать с работы с людьми, их наставления, объединения - и лишь потом заниматься зданиями! Вот это, пожалуй, первый урок.

А вот, может быть, второй. Я в этой истории привёл достаточное число людей, которые чего-то хотели, к чему-то стремились - но это в конце концов не осуществилось. Имел свои цели и стремления настоятель - но вот, в конце концов, оказался лишён настоятельства. Имел свои цели второй священник, но вот, в конце концов, оказался переведён в другой храм. Имел свои цели и стремления каждый из прихожан, связанных с этим монастырём - но вот, все они теперь посещают другие храмы, и в этом месте почти не появляются. Тем не менее, жизнь их благополучно продолжается. И это может научить нас вообще легче относиться к таким вещам. Не стоит связывать себя с какими-то конкретными надеждами, и вообще с каким-нибудь конкретным местом. Всё это может в конце концов получиться совсем не так. Это касается каждого из нас. Касается и тех, кто живёт сейчас в этом монастыре. И единственное, что в действительности важно, это духовная жизнь каждого из нас, которую мы проводим в своих обычных обстоятельствах - в своих домах, квартирах, на своих рабочих местах - её чистота, трезвость и глубина. Из этого на самом деле и складывается церковная жизнь. И это побуждает нас жить более ответственно и спокойнее относиться к каким-то случайным внешним обстоятельствам.

Заканчиваю мои впечатления об этом монастыре. Я не хотел здесь никого оправдывать или осуждать, а просто описал всё так, как я это видел сам. Может быть, кто-нибудь другой увидел бы это иначе. Теперь все эти впечатления - дело уже нашего недавнего прошлого. Описывать теперешнее состояние монастыря, теперешние его беды и радости - дело уже других людей, которые пришли туда после меня. Я же здесь ограничился тем, что, как мог, описал эту прежнюю обстановку, которая навсегда осталась в моей памяти. Надеюсь, что это внесёт некоторый вклад в осмысление нашей церковной жизни недавнего прошлого и настоящего.

2. ТИХОЕ КЛАДБИЩЕ

Неожиданная Встреча

Одновременно с этим храмом я, как уже сказал, посещал другой храм, где уже выполнял роль помощника, занимался некоторой деятельностью. Это довольно интересный эпизод в моей жизни, и о нём тоже стоит рассказать.

Попал я туда совершенно неожиданно, благодаря одному необычному знакомству. Ещё в начале 90-х годов, вскоре после моего прихода к вере, я, как уже сказал, старался посетить все новые открывающиеся в нашей округе храмы. Стоило мне услышать, что где-то поблизости открылся новый храм, как я оставлял все дела и ехал туда, чтобы побыть на богослужении, посмотреть на священника, познакомиться с новыми людьми. Вроде бы, что меня тянуло туда - мог бы вполне в это время заняться и чем-то другим! Но я уже очень хорошо распознал тогда, откуда к нам приходит "тёплый ветер перемен", откуда к нам приходит спасение. Для меня не стояло вопроса о том, к чему устремлять свои интересы, на что тратить время.

И вот, мне стало известно, что недалеко от моего дома открылся новый храм. Он находился на одной из ближайших станций метро, и про него было слышно, что там замечательный священник и прекрасное богослужение. В один из зимних дней я решил отправиться туда. От метро я довольно быстро дошёл до храма. Моим глазам предстала необычная картина - большое открытое пространство, посреди которого виднелась большая храмовая территория. Всё это находилось на самой окраине Москвы, и домов там уже не было. Я направился к воротам, чтобы попасть на территорию, но они были закрыты. Очевидно, был обычный будний день, и у всех здесь сегодня был выходной.

Мне стало очень обидно, что я приехал просто так. Не зная, на что надеясь, я свернул от ворот в сторону и начал обходить территорию. Хотя была зима и глубокий снег, но здесь уже явно кто-то ходил, так что снег был довольно утоптан. Наконец я увидел, что забор в одном месте снизу подрыт, и что здесь, если

постараться, можно проникнуть на территорию. Порядком потрудившись и вывалявшись в снегу, я, наконец, оказался внутри. Вот как сильно во мне было стремление попасть на территорию! Причиной было всё то же стремление оказаться поближе к храму, а также некоторая уверенность, что даже и в выходной день на территории храма обязательно должны быть люди - к примеру, рабочие, сторожа или дежурные. А именно люди, так или иначе связанные с Церковью, меня в то время и интересовали!

Оказавшись внутри, я отряхнулся и огляделся. Недалеко от меня поднимался храм, поблизости от него виднелись какие-то домики, хозяйственные строения. Не торопясь, я пошёл туда. Вокруг было тихо, никого не было.

Вдруг на дорожке, ведущей к храму, меня встретил человек в рясе. Он очень приветливо отнёсся ко мне, стал меня расспрашивать, кто я и откуда, затем пригласил в приходской дом. Я рассказал ему всё, как есть: что я прихожанин одного из соседних храмов, и что я люблю посещать ближайшие храмы. Он даже пригласил меня за стол и налил мне чаю. Мы стали говорить о вере, об этом храме, он немного рассказал о себе. Оказалось, он служит здесь дьяконом, и при этом заочно учится в Троице-Сергиевой Лавре. Взгляд этого незнакомого священнослужителя был внимательный и серьёзный. Он, видимо, проявлял ко мне совершенно искренний интерес. О духовных вопросах он говорил несколько прямолинейно, так, как я к этому не привык - но при этом с глубокой верой и искренне. Главное же, что он вообще проявил ко мне интерес, заговорил со мной! Дело в том, что такое отношение в Церкви со стороны священнослужителя можно было встретить далеко не всегда. Многие священники, наученные прежним горьким советским опытом, предпочитали только совершать богослужения и как бы "избегали" прихожан. К этому их подталкивала прочная память о тех годах, когда в храмах только и можно было, что совершать богослужения, а ничего другого делать было нельзя. Так, например, в том храме, в который я в то время ходил, священник ограничивал всю свою деятельность "необходимым минимумом": служил, исповедовал, причащал - а после этого скорей уходил сразу в алтарь. Поговорить с ним, обсудить какие-то важные

вопросы жизни (а мы-то понимаем, что именно эти вопросы обычно и волнуют приходящего к вере человека - смысла богослужения, исповеди, причащения он ещё многие месяцы, а то и годы может не понимать) почти не было никакой возможности. Такое наследие (скорее, бессознательное, невольное) осталось в Церкви от советского времени. Но я жизни Церкви в то время не застал, и потому об этом здесь не могу ничего писать.

А тут вдруг - внимание, интерес, задушевный разговор - и даже чай! Чувствовалось, что этому священнослужителю небезразличен молодой человек, которого он встретил в этот выходной день на безлюдной, пустынной дорожке около храма! Чувствовалось, что он, в сущности, такой же, как и я - так же недавно пришёл к вере от каких-то других занятий и дел, - но только оказался уже ближе к Церкви: ездил в Троице-Сергиеву Лавру, получил уже некоторое образование, стал дьяконом! И это, конечно, вдохновляло меня. Я чувствовал, что нашёл в его лице новую опору для моей духовной жизни, что моё движение в сторону Церкви продолжается, что круг моих верующих знакомых расширяется!

Тут он взглянул на часы и строго сказал, что мы не должны слишком засиживаться, и что мне пора. Мы с ним встали из-за стола, и он вышел меня проводить до ворот. Подойдя к воротам, он вдруг вспомнил, что сегодня выходной и ворота закрыты, и с удивлением взглянул на меня.

- Слушай, друг, а как же ты сюда попал?!..

- А я через дырку в заборе пролез, - правдиво ответил я.

- Ну, ты, брат, даёшь!..

Впрочем, он не стал меня особенно сильно ругать - видимо понял, что для того, чтобы попасть таким образом в выходной на закрытую территорию храма, да ещё в течение часа вести с ним глубокие богословские разговоры, у человека должны быть самые серьёзные основания. Он пригласил меня приходить к нему в другой раз, более обычным способом. Открыв ключом небольшую калитку в воротах, он выпустил меня, и мы попрощались. Я обещал ему, что обязательно ещё приду. Так я приобрёл нового, и очень важного для меня знакомого.

Кладбищенский храм

И я действительно ещё пару раз приходил к нему. Мы с ним встречались всё в том же домике за чайным столом. Во все эти посещения он тоже показал себя очень глубоко и искренне верующим человеком. Но после новые заботы увлекли меня. В Москве открывались всё новые храмы, и я тоже старался их посещать. Кроме того, и в моём храме недалеко от дома жизнь не стояла на месте: там решили открывать воскресную школу. Но самое главное для меня состояло в другом: я сам решил получить духовное образование. В центре Москвы, в одном из храмов я вдруг нашёл круг людей, к которому можно было приобщиться и в котором можно было кое-что узнать. Недолго думая, я поступил туда на обучение. Эти-то новые заботы в первую очередь и увлекли меня. Новые встречи, общение в новом кругу людей заняли мои силы - и я забыл о том храме на окраине, где я полгода назад встретил столь равнодушного дьякона.

И так получилось, что я снова встретился с ним ещё через год. Я ехал куда-то в вагоне метро. Вдруг меня окликнул какой-то человек. Я лишь взглянул на него - и сразу его узнал. Не могу выразить, как я обрадовался. Знакомства с серьёзными верующими людьми были для меня в то время большой редкостью, и трудно даже представить, что значил этот человек в моей жизни. Оказалось, что его к тому времени уже перевели в другой храм. Как и почему его перевели - об этом мне ничего не известно.

Храм этот находился - где бы вы думали? - на кладбище. Это был один из старых московских храмов, который не закрывался в советское время. Учитывая, что он находился в центральной части Москвы, этот перевод моего знакомого можно было рассматривать как "повышение". Итак, его перевели из совершенно нового, необустроенного храма в районе новостроек в старый, известный московский храм с давними традициями. У него были планы создать там воскресную школу. Ему нужны были помощники и просто люди для общения, и он пригласил меня приходить к нему. Я к тому времени уже набрался некоторых церковных знаний, и, если можно так сказать, "рвался" применить их в деле. Для того, чтобы ещё сильнее

привлечь меня, он пообещал устроить меня в храме алтарником. Так впоследствии и оказалось, но также оказалось с совершенной ясностью, что далеко не это было для меня главное, и вовсе не для этого я туда пришёл. Главным для нас было подлинное веление времени - воскресная школа. Именно её мы при этом храме стремились организовать и создать, и именно этому будет посвящён мой рассказ.

Итак, этот храм находился на кладбище. Многие читатели старшего поколения узнают его, поскольку он действительно играл достаточно важную роль в жизни тогдашней церковной Москвы. Он действительно был одним из немногих храмов, которые не закрывались в советское время, в которых всё это время сохранялось богослужение. Кроме того, на этом кладбище находилась могила известной праведницы, пользующейся заслуженным почитанием москвичей. Многие приходили сюда именно ради этой могилы, так что временами казалось, что сам храм и совершаемое в нём богослужение значат здесь не так уж и много. Потом останки праведницы перевезли отсюда в один монастырь, и обстановка на кладбище стала более спокойной. Но мои воспоминания относятся ещё к тому, прежнему времени, когда около известнейшей могилы всегда стояла огромная толпа.

Настоятелем храма был тогда уже довольно пожилой священник, который перед тем непрерывно управлял храмом около тридцати лет. Таким образом, здесь действительно были достаточно прочные традиции. Этот настоятель был, конечно же, неординарный человек, - но мне про него особенно запомнилось то, что он был крепок не только духовно, но и физически. Так, было известно, что он когда-то давно, кажется, вскоре после войны, занимался спортом, и даже выигрывал соревнования. Собственно, этот момент был показательным. Для того, чтобы быть священником, особенно в то, советское время, для того, чтобы выдержать и пережить все эти трудности, нужна была не только духовная, но и физическая выносливость.

Сам храм выглядел довольно тяжёлым и громоздким. Внутри на высоких сводах виднелись потемневшие росписи, на стенах висели старинные иконы. Мне почему-то запомнилась одна роспись на задней стене, изображавшая Страшный Суд и мучения грешников. Такие росписи почему-то любили прежде

делать в некоторых храмах, вместо обычных изображений святых, или возвышенных сцен из священной истории. Я, проходя по храму, иногда невольно бросал взгляд на эти тёмные нарисованные языки пламени, и на несчастных грешников, летящих вниз, неизвестно куда.

Основным содержанием жизни храма было богослужение. Это, с одной стороны, было прекрасно - а с другой, было следствием всё того же стеснённого положения Церкви в советское время. В те годы, которых я не застал, и о которых потому не могу подробно писать, практически единственным средством сохранить церковную жизнь в немногих открытых храмах было просто продолжать и продолжать совершать в них богослужения. Одним из таких храмов был как раз этот храм. Богослужение здесь совершалось каждый день, утром и вечером, и это, конечно, способствовало сохранению здесь церковной жизни, поскольку не было, видимо, в мире сил, способных этот порядок изменить. Но дело в том, что то, прежнее, трудное для Церкви время уже давно прошло. С начала церковного возрождения минуло уже около 5 лет. За эти пять лет многое изменилось - десятки тысяч новых людей пришли к вере, открылись новые храмы, церковные лектории и институты, в храмах развивалась приходская жизнь, возникали новые церковные общины.

А здесь, в этом тихом и заброшенном месте, по-прежнему не происходило ничего, кроме аккуратных, скрупулёзно, ежедневно исполняемых богослужений. Сюда будто не долетали реальные современные веяния. Церковная жизнь ушла вперёд, она ставила перед людьми новые задачи - а здесь, на этом отгороженном от окружающего мира кладбище всё будто остановилось, будто замерло на какой-то давней, раз и навсегда заданной точке.

Меня действительно через некоторое время взяли прислуживать в алтарь. Я поначалу был очень воодушевлён этим, поскольку чувствовал, что таким образом полнее осуществится моё служение Церкви. Действительно, мы, в основном, связываем Церковь именно с богослужением, и именно алтарь для нас, в первую очередь, является центром православного храма. Но нужно учитывать уже названную мной особенность

того времени. К вере приходило множество новых людей, и на первый план вышло просвещение, познание основ веры, общение приходящих к вере людей. Богослужение, конечно, всегда является центром церковной жизни, без него невозможно представить себе православного храма - но в то время это как бы отошло на второй план, было чем-то само собой разумеющимся, очевидным - а на первый план вышли усилия в области церковного просвещения. Потому-то я в первую очередь и пришёл в этот храм ради создания воскресной школы. И поэтому я, с величайшей ответственностью и благоговением относясь к богослужению, всё-таки не мог считать это главным, и все мои мысли были на самом деле о другом. Однако, благодаря моему положению в алтаре, я мог видеть всю жизнь храма «изнутри» - и теперь именно с этой позиции могу её описать.

В алтаре служило несколько священников. Всё это были люди культурные и глубоко верующие. Нужно иметь в виду, что единственным местом, где в то время готовили священников, была Троице-Сергиева Лавра, так что по этим впечатлениям можно в некоторой степени судить об обстановке в ней. Я не знаю, каким образом эти священники оказывались здесь, т.е. как их сюда назначали. Видимо, существовала некая система, согласно которой выпускники академии и семинарии распределялись по московским храмам, в том числе и в этот давно действовавший, с налаженными богослужебными традициями храм. По моим наблюдениям, все они принадлежали к особому культурному, интеллигентному кругу. В них чувствовалась особая «выучка», особая, свойственная именно этому кругу культура. Однако, круг этот производил впечатление "замкнутого", далёкого от окружающей жизни и от реальных потребностей нашего времени. Они и общались, в основном, между собой и, например, почти не уделяли внимания мне - человеку, несомненно, искренне верующему, и, кроме того, пришедшему в этот храм с определённой, важной для Церкви целью. Всегда в общении с ними ощущалась некоторая "грань", или дистанция. Меня, помню, это очень сильно огорчало.

Ещё запомнились чтецы и алтарники. Это были люди более простого круга - видимо, знакомые наших священников, простые москвичи. Помню нескольких совсем молодых ребят, которые

помогали здесь на богослужении, и были достаточно культурными и симпатичными. Несомненно, прислуживание в алтаре благотворно отражалось на них - но у меня от этих людей осталось какое-то ощущение непостоянства, они как-то неожиданно здесь появлялись и исчезали. Кроме того, как оказалось, с ними почти невозможно было ни о чём поговорить. Они неплохо читали, и, видимо, собирались этим и дальше заниматься, но вряд ли это были в глубоком и подлинном смысле люди Церкви - скорее это были в некотором более простом смысле «люди храма».

Среди них был один уже немолодой человек, который среди них выделялся. Он обладал лёгким и простым характером, и работал здесь постоянно. Видимо, он был одним из тех людей, которые тоже недавно пришли к вере, и действительно хотел послужить здесь Церкви. Однако, у него были свои особенности характера, которые я ещё опишу. Как человек нашего времени, он тоже понимал идеи церковного просвещения, интересовался всем тем, что предлагал отец дьякон, и даже впоследствии участвовал в нашей воскресной школе. Для меня это было одной из необычных, хотя и не совсем простых встреч.

Далее шли певчие. Они представляли собой совсем особый круг. Это были вовсе не прихожане храма, а профессиональные музыканты, которых приглашали сюда из музыкального училища или консерватории. В советское время обучить прихожан церковному пению тоже было нельзя, и потому приходилось прибегать к услугам таких вот профессиональных хоров. Для самих же этих музыкантов это была прекрасная возможность "подработать" в Церкви. Пели они, конечно же, профессионально - но совершенно не молитвенно, не духовно. Как отмечали многие, под такое пение общаться с Богом было чрезвычайно сложно. Исполнялись обычно сложные классические произведения, отличавшиеся своей музыкальностью, которые не так-то просто воспринимались обычными молящимися. Приглашённым музыкантам до этого и дела особого не было - работа в храме воспринималась ими как средство поддержания «профессиональной формы». Певчие стояли на более высоком уровне храма, т.е. уже за пределами алтаря. Разговоры их помимо богослужения обычно касались чисто музыкальных вопросов, и почти не

касались вопросов веры.

Дальше, после певчих шли пожилые верующие женщины. Их было несколько, которые приходили в храм постоянно и помогали здесь, исполняли здесь некоторые послушания. Кто-то чистил подсвечники, кто-то мыл пол, кто-то готовил трапезу, кто-то продавал иконы и свечи в свечной лавке. Некоторые из этих женщин иногда читали, другие в будние дни пели на службах в самодеятельном хоре. Некоторые из них приходили сюда просто помогать, другие, видимо, считались постоянными сотрудницами храма. Читатель уже понял, о ком я веду речь - конечно, это те самые "бабушки", во многом благодаря которым у нас в трудные времена сохранилась вера! Это те самоотверженные женщины, которые даже в годы гонений не боялись ходить в храмы, помогать священникам, и вот благодаря им Церковь выстояла, и вера дошла до нас!

Они и вели себя соответствующе - были достаточно спокойны, рассудительны, проявляли даже некоторое внимание к прихожанам, как этого и следовало ожидать от давних работников храма. Однако этим дело и ограничивалось. Никакого интереса к вопросам веры им не было свойственно. Ни на какие духовные темы с ними невозможно было поговорить. Их интересовали только хозяйственные заботы - уборка, чистка подсвечников, продажа церковной утвари в церковной лавке. Это тоже были люди, скорее, не Церкви, Евангелия - а "люди храма". Возможно, их вера только и могла существовать в обстановке храма - и потому они прикладывали столько усилий к её сохранению. При всей их самоотверженности, при всём их искреннем служении Церкви, это всё-таки было не совсем то, что мы хотели бы встречать в храме. При всём моём уважении к этим скромным труженицам Церкви, я всё-таки должен сказать, что не на таких людях, в первую очередь, держится Церковь.

Заслуживают внимания также мужчины - сотрудники храма. Их было здесь всего несколько человек, они, в основном, сторожили, дежурили, исполняли некоторые хозяйственные работы. Такие работники должны быть при каждом храме. Конечно, они были люди верующие - иначе бы они просто не пришли на работу в храм. Но сами их понятия о вере вызвали серьёзный вопрос. С нашими работниками о вере тоже ни о чём

невозможно было серьёзно поговорить. Их эти вопросы просто не интересовали. Единственное, что их здесь привлекало, видимо, были храм и богослужение. В этом они видели нечто неизблемое, некую прочную опору для своей жизни. При этом, поскольку многое в этой обстановке зависело от них, они, в конце концов, и начинали чувствовать себя в ней "хозяевами". У них, в конце концов, невольно возникало чувство, что эта целительная обстановка, которую они поддерживают и в которой сами существуют, "существует благодаря им".

Вот, например, наш староста. Он был, несомненно, человек верующий. Говорили, что у него в деревне, где он прежде жил или летом отдыхал, тоже был храм, в котором он тоже выполнял важную роль. Поэтому, наверное, он и пришёл в этот храм, расположенный на кладбище - наверное, эта обстановка чем-то напоминала ему деревню. Здесь, в храме он очень скоро почувствовал себя полным хозяином. Со всеми сотрудниками и даже со священниками говорил исключительно «на ты». Мог, например, прямо во время богослужения войти в алтарь и обсуждать с настоятелем какие-нибудь хозяйственные вопросы. Настоятель это, как ни странно, терпел. Возможно, за долгие годы служения в стеснённой обстановке он ко всему привык относиться с терпением. Я же с удивлением наблюдал странную, искажённую обстановку этого храма, где простой хозяйственный работник, пусть и верующий, мог так взять над всеми "верх".

Итак, все эти люди были верующие и по-своему любящие Церковь. Я слышал, что некоторые из них имели разнообразные церковные впечатления, ездили по святым местам. И всё же и они не были в полном смысле людьми Церкви - а, скорее, людьми храма, богослужения. Они просто привыкли к этой обстановке и старались её поддерживать, сохранять. Вопросы церковной жизни, церковного учения их не слишком интересовали. Поэтому понятно, что они достаточно активно противились всяким нововведениям, всяким изменениям в этой обстановке. Они воспринимали это как угрозу их собственному привычному существованию. Видимо, именно с этим было связано их, в основном, неприязненное отношение к создаваемой нами с отцом дьяконом воскресной школе. То, что некоторые из прихожан, вместо того, чтобы просто прийти на богослужение и после этого

разойтись по домам, остаются ещё при храме и обсуждают вопросы веры, очевидно, делало не столь прочным их собственное положение. Вспоминая теперь эту ситуацию, я вижу, что несмотря на искреннюю веру, честность и порядочность этих работников, что-то в самой их позиции, в самом их отношении к Церкви было далеко не совсем в порядке.

И, кроме этого - огромное море прихожан. В этот довольно просторный и вместительный храм по воскресеньям набивались целые толпы народа. Я не имею в виду тех, кто привозил сюда своих умерших (храм находился на кладбище, и поэтому эта сторона его жизни была вполне естественной), но тех, кто действительно приходил сюда как в храм. Сказывалось время церковного возрождения - то, что по всему городу открывались новые храмы, что к вере приходило множество новых людей, что всё это происходило по всей Москве и сказывалось, в какой-то степени, и на этом храме. Несомненно, приток прихожан в него за эти годы заметно усилился. И вот, эти люди приходили сюда - и что же они находили здесь?.. Только громоздкое богослужение, совершавшееся по раз и навсегда заведённому правилу. В других храмах развивалось церковное просвещение, открывались воскресные школы, богословские курсы, а здесь всё будто раз и навсегда застыло. Никто не наставлял людей, не объединял их, не направлял их силы на общие согласные с верой дела. Такова, как я уже сказал, была привычка и сила инерции прошлых лет. Храм привлекал людей своим богослужением, сводами, иконами - но не привлекал подлинной церковной жизнью, жизнью во Христе.

Доходило до того, что некоторые люди, насколько я мог судить, приходили сюда "просто так", просто провести время, посудачить. Иногда можно было видеть в углу храма на лавочке пожилых женщин, которые просто сидели и обсуждали какие-то бытовые вопросы. Их, видимо, привлекало то, что здесь есть большое помещение, что сюда можно прийти, посидеть, отдохнуть, что здесь тепло... Вроде бы, это всё-таки было лучше, чем ничего, но как это было далеко от того, что должно быть в храме!.. Может быть, эти женщины уже давно разобрались в вопросах веры и теперь решили поговорить о чём-то более простом?.. Но я не раз убеждался, что вопросы веры таких людей вовсе не интересуют... Храм исполнял роль "клуба", куда можно

прийти и поговорить о том, о сём, но вовсе не школы веры и церковной жизни.

Оглядывая всю эту обстановку в целом, я думаю о том, как постепенно могла сложиться эта ситуация. Видимо, когда-то уровень церковной культуры в храме был достаточно высок, и настоятель имел достаточно духовно близких людей и среди служителей, и среди прихожан. Но в стеснённых условиях того времени всё это не могло быть прочным... В храме появлялись новые люди - но как следует познакомиться с ними, духовно наставить, быть в них уверенными уже было нельзя... Так постепенно храм наполнился новыми, незнакомыми людьми... Можно было, правда, опираться на работниц храма, которые продолжали хранить верность настоятелю - но от этих женщин невозможно было ждать ясных и прочных духовных понятий, важно было только, чтобы они аккуратно исполняли свои обязанности... Потом это коснулось певчих - раньше это были свои же, надёжные прихожане, а теперь этого было нельзя, и пришлось нанять их из консерватории... И лишь в алтаре, вокруг богослужения, казалось бы, ещё сохраняется некоторая церковная культура - здесь собрались люди образованные, которые сознательно ставят целью своей жизни служение Богу... Но вот в алтарниках быть уже уверенным нельзя - это, в основном, люди случайные, которые неизвестно откуда появляются и неизвестно куда исчезают... Да и священники уже, по-настоящему, не могут быть подлинной опорой - их постоянно назначают новых, и у каждого из них свои понятия, между ними нет настоящего взаимопонимания... И единственная возможность, которая остаётся, когда нет уже сил ни на что повлиять и ничто изменить - это всё продолжать и продолжать совершать это налаженное, неизменное богослужение по этому налаженному, раз и навсегда данному уставу. И при этом сознавать своё полное бессилие и то, что ситуация, видимо, уже навсегда вышла из-под контроля. Так, или примерно так, наверное, мог всё это видеть настоятель. Интересно, каким мог быть следующий шаг в этом постепенном и неумолимом "движении по лестнице вниз"?.. Но, к счастью, сделать его не пришлось - советская система ослабла, давление на Церковь прекратилось, вера в нашей стране снова начала возрождаться.

Но здесь, в этом далёком храме на кладбище это по-прежнему почти не ощущалось. Здесь всё будто никак не могли в это поверить, всё никак не могли очнуться от сна... Здесь, видимо, не доверяли тому, что это «потепление» прочное и окончательное, и всё будто ждали, что вот ещё несколько месяцев, самое большее несколько лет - и всё прежнее вернётся опять... Так, или примерно так я представляю себе обстановку этого храма. Церковная жизнь здесь прочно замерла «на нуле», или даже на какой-то отрицательной точке. И вот, в такой обстановке мы с отцом дьяконом решили попробовать что-то изменить.

Воскресная школа: постановка задачи

Для начала - о самой этой идее. В какой-то момент своей жизни человек приходит к вере. Через некоторое время после этого он приходит в храм. Это совершенно естественно - ничто так сильно, как наше богослужение, не воздействует на человека. Но сразу вслед за этим встаёт другая задача - человека на первых порах его церковной жизни нужно чему-то научить. Нужно дать ему первые необходимые знания и помочь освоиться в этом таинственном и пока ещё незнакомом ему мире, имя которому - Церковь.

Эта объективная необходимость вполне соответствует и собственному желанию человека. Такой человек, только приходящий в Церковь, обычно испытывает сильнейшую потребность в обучении, наставлении. Он как бы стоит на пороге Церкви и настоятельно требует: "Научите меня!"

Особенно сильно это ощущалось в то время. К вере приходило множество людей, и эти люди наполняли собой храмы. Но с наставлением их в то время были большие проблемы. Никто, по существу, не представлял себе, о чём же с такими людьми надо говорить, чему же именно их надо учить. Я уже приводил в пример священника, который старательно проводил с прихожанами просветительские беседы, но не мог им рассказать ничего, кроме того, когда открываются и закрываются царские врата, или когда «священник выходит из алтаря и кадит иконы и прихожан». Конечно же, это не было решением проблемы.

И действительно, одно дело - возродить древние разрушенные храмы, и даже научиться в них совершать прекрасное возвышенное богослужение по древним, раз и навсегда составленным книгам, и совсем другое - найти яркое и живое слово о вере, научиться передавать людям самую суть веры, научить их, или, вернее, научиться нам всем вместе с этой верой жить.

Потому что дело даже вовсе не в знаниях, а, скорее, в реальном духовном и жизненном опыте. Знания - это только первый необходимый этап, который необходимо пройти всякому человеку, приобщающемуся к некой новой области жизни. Ему нужно, хотя бы в общих чертах, знать, как эта новая область устроена, как в неё войти, как в ней себя вести. Но уже очень скоро этот первый этап проходит, и главное значение приобретают собственно реальная духовная жизнь, реальное общение с Богом и с другими людьми. Здесь речь уже идёт, скорее, о реальном опыте.

Однако, на первых порах всё же нужны знания. Нужно сообщить людям нечто самое важное о Боге, о мире, о человеке, помочь им открыть и прочитать Евангелие, дать им основные сведения о храме, богослужении. Именно в этот период своей жизни человек особенно восприимчив к новой информации. Он буквально «на лету» схватывает то, что вы ему говорите, любит ходить на духовные просветительские лекции, читать новые книги. Но уже вслед за этим, как я уже сказал, должен наступить другой этап приобретения собственного опыта, собственной духовной жизни. Разумеется, это разделение на «этапы» несколько условное, потому что, понятно, что человек и на первом этапе уже приобретает некоторый опыт, и на последующих этапах своей духовной жизни продолжает приобретать некоторые знания.

Человек, однако, идёт путём своей духовной жизни не один. Дело не только в его знаниях и в его личных отношениях с Богом, но и в его отношениях с другими верующими людьми. Именно поэтому в процессе духовного наставления с самого начала огромную роль приобретает общение. Человек должен знать тех людей, с которыми он вместе идёт этим непростым духовным путём. Иначе как же в его жизни осуществляются те

моменты Евангелия, которые касаются человеческих отношений?.. Невозможно людям просто проводить время вместе на богослужении, а после расходиться по домам и поодиночке читать там умные книги. Поэтому момент общения в Церкви обязательно должен быть. Его естественным образом и организуют обсуждаемые нами сейчас просветительские беседы. В действительности, именно этого и ищет человек, приходящий на них. Он бессознательно хочет найти в Церкви близких по духу людей, и именно с этой точки зрения и смотрит на других участников таких бесед.

Итак, духовно-просветительские беседы - это, с одной стороны, средство передачи людям некоторых первоначальных знаний, а с другой - средство знакомства и общения таких людей. Как же осуществить обе эти задачи? И в том, и в другом случае средство общее - это беседа, общение. Передача людям первоначальных знаний о вере происходит именно в порядке живой беседы. Хорошо, если найдутся люди, которые уже в чём-то разбираются, которые что-то неплохо понимают, и смогут другим что-то рассказать. Мы, конечно, надеемся, что именно таковы создатели и организаторы этих бесед. Но ведь дело в том, что на самом деле это вовсе и не обязательно! Таких людей, обладающих достаточно широкими и надёжными знаниями, здесь может вовсе и не быть! Мы с вами даже и не знаем, какие знания, на самом деле, можно считать надёжными и достаточными! Понятно ведь, что это момент относительный. Человек может считать, что он обладает весьма серьёзными знаниями - но ясно ведь, что это просто те знания, которые он к настоящему моменту своей жизни сумел накопить!

И вот, здесь на первый план выходит момент совместного познания. Вопросы церковного учения постигаются общими усилиями, в живой беседе. Особое значение приобретают возникший и высказанный вопрос, услышанное где-то мнение, прочитанная книга. Участники бесед делятся друг с другом и своими церковными знаниями, и своим внутренним опытом. Понятно, что такой способ несовершенен - но другого в такой обстановке просто не может быть. Понятно, что при этом нужно на что-то опираться - на мнение более опытных людей, на надёжные, проверенные книги. Конечно, кто-то из участников

более опытен - он и будет задавать «тон» на этих беседах, давать им некую опору и направление. Таким образом в данной ситуации их участникам и удастся чего-то достигнуть.

В этой обстановке самое важное - чтобы никто не брал на себя роль "учителя", "лектора". Я уже объяснил в общих чертах, почему такой роли здесь просто не может быть. При этом такой человек (если он возьмёт на себя эту роль) почти наверняка сделает тот относительный уровень знаний, который он к этому времени сумел достигнуть, «абсолютным» для других участников. При этом вполне возможно, что он отнимет у самого себя возможность развития, поскольку почувствует себя в этой обстановке «учителем». Что из того, что у него за спиной больше прослушанных лекций, или прочитанных книг - всё равно в этой обстановке он такой же «новоначальный», как и другие участники, и должен «идти вместе с ними». Тогда и те знания, которые он действительно имеет, здесь пригодятся. В такой обстановке ценится человек, который идёт на шаг, на полшага впереди тебя. За ним можно следовать, у него перенимать опыт, на него ориентироваться. Но учителя, "лектора" здесь быть не должно!

Но зато в такой обстановке особенное значение приобретает роль ведущего. Это, по существу, человек, который может организовать такое общение. Не обязательно он должен обладать огромными знаниями - но зато у него должны быть искренняя вера, любовь к людям и понимание людей. Он организует этот общий процесс общения и познания. В этом процессе неизбежно будут участвовать самые разные люди, и поэтому здесь неизбежно должны быть некоторые правила. Сейчас не время об этом подробно распространяться, но именно в этом и состоит здесь главная задача - наладить и поддерживать уважительное, духовно полезное взаимное общение верующих людей на темы веры.

Однако, что же делать на первых порах, когда ещё всё только начинается, и ничего, по существу, не ясно? Здесь самое главное - просто собрать людей и заинтересовать их самой формой подобного общения. Пусть они знают, что в определённый день и час они смогут прийти сюда, что там их будут ждать священнослужитель и другие прихожане, что они

смогут здесь отдохнуть, посидеть за чаем, и что разговор здесь будет идти о вопросах веры. Пусть поначалу здесь всё будет не очень хорошо организовано, даже производить впечатление некоторого сумбура - ничего, такие беседы даже в таком случае, сами по себе имеют ценность. Они привлекают людей сами по себе, самой возможностью общения, самым фактом своего существования.

Именно по такому пути и решили идти мы с отцом дьяконом. Не потому, что как-то сознательно это продумали и сознавали, а потому, что это тогда было естественно, что это было велением времени. Перед нами стояла задача организовать встречи прихожан, на которых они могли свободно говорить о своей вере. Встречи эти должны были проходить в свободной, естественной обстановке, за чашкой чая. Никакой определённой программы для них не было. Это должны были быть просто встречи неравнодушных, заинтересованных людей, посвящённые вопросам веры, в центре которых стояли бы естественные для верующих людей вопросы - церковного учения, Евангелия, христианской жизни, богослужения, церковной истории и церковной литературы. Как всё это в точности сложится и как будет происходить, мы не знали.

Разумеется, ни в ком из сотрудников храма эти наши планы не могли вызвать особого энтузиазма. Думаю, что моя догадка верна - они чувствовали в этом некоторую угрозу своему собственному положению. Так, настоятель почти в течение года всё никак не хотел благословлять эти беседы. Впрочем, это могло иметь и другую причину - наученный горьким опытом советского времени, он мог бояться сделать любой новый и необычный шаг, опасаясь, что всё прежнее опять вернётся. Получалось, что он заботился о нас же, защищал нас - но тем же и обрекал нас на бездействие.

Была придумана более простая и скромная цель - открыть при храме небольшую церковную библиотеку. Так мы надеялись хоть как-то "расшевелить" ситуацию, начать в этом деле хоть какое-то движение. Я начал понемногу по магазинам и по другим храмам собирать духовные книги. Скоро их накопилось достаточно, так что они заняли две небольшие полки в шкафу в приходском доме. И это, наконец, принесло результат!

Настоятель, наконец, благословил создание библиотеки! Помню, я чуть не расплакался в тот день. Скорей я побежал к себе на работу готовить объявление. Там на компьютере (наконец-то он должен был послужить доброму делу!) я долго набирал его, располагал и так и так, подбирал шрифты - и, наконец, распечатал его на большом белом листе бумаги. Запечатав его в полиэтилен, я скорее поехал в храм. Здесь я старательно прикрепил его скотчем к дверям приходского дома. Оставалось теперь ждать воскресенья, когда прихожане наберутся в храм, и когда по этому объявлению в библиотеку смогут прийти первые читатели.

Когда в воскресенье я снова, как обычно, приехал в храм, то обнаружил, что объявления на дверях приходского дома не было! После службы около угла приходского дома меня встретил один из хозяйственных работников храма, и, ехидно ухмыляясь, спросил: "Ну как, удалось тебе открыть свою библиотеку?" Ну что я мог на это сказать?.. Ясно, что он чувствовал себя здесь "хозяином", и естественно должен был противиться всему, что не вписывалось в знакомую и привычную ему обстановку! Я всё продолжал по-прежнему прислуживать в алтаре. Библиотеку нам вскоре удалось открыть в другом месте - в соседней районной библиотеке, с которой нам удалось установить неплохие отношения. Там, на небольших двух полочках в одном из помещений мы и разместили собранные книги.

Мы с отцом дьяконом продолжали ждать добрых перемен. Наконец, они наступили. Настоятель, видимо, узнав о нашем успехе в соседней библиотеке и заинтересовавшись им, наконец, благословил и начало бесед. Для нас с отцом дьяконом наступили теперь новые времена. Об этом новом периоде нашей деятельности я и хочу теперь рассказать.

Первые успехи. "Весёлый" алтарник

Перед нами стояла довольно простая задача - собрать несколько наиболее активных прихожан, и начать с ними регулярные беседы. Эту задачу поначалу целиком взял на себя отец дьякон. Это он выбирал из среды прихожан наиболее талантливых и увлечённых и приглашал их к нам в воскресенье "на чашку чая". Весь этот начальный этап организации бесед происходил благодаря ему. Но вот, наконец, нас собрался довольно прочный и постоянный круг, беседы приняли регулярный характер. То, что поначалу мы делали неопытно и неумело, постепенно принимало характер прочного и постоянного дела. Чем же мне запомнилось то, первое время? В первую очередь, обстановкой новизны, свободы, тем, что всё делалось в первый раз. Поначалу никакого особого порядка на наших беседах не было. Мы только знакомились, привыкали постепенно друг к другу. Всё происходило довольно спонтанно: иногда обсуждали какие-то возникшие темы, иногда пробовали читать Евангелие, иногда рассказывал отец дьякон, иногда я сам что-то дома готовил и пытался рассказать. Теперь, по прошествии времени, я довольно скромного мнения о нашей тогдашней работе, и, конечно, теперь постарался бы делать всё иначе. Но, как я уже сказал, дело здесь не столько в методике и не столько в идеальной организации бесед, сколько в самом их факте. Такие беседы привлекают людей самим фактом своего существования. Их воздействие, скорее, бессознательное. Человек знает, что есть круг единомышленников, что там будут говорить о важных вопросах - и его просто тянет туда прийти. Это соответствует какой-то самой важной, изначальной потребности человека. Потому не так важно, что эти беседы были несовершенны, что они проходили далеко не идеально - эта, самая важная, глубинная потребность человека на них всё равно удовлетворялась.

Мы собирались прямо в приходском доме, в одной из комнат, за большим столом. На столе всегда стояли угощение и чай. Нас поначалу было совсем немного - не больше 10 человек. Впоследствии этот круг удалось расширить человек до 15. Но больше расширить нам его не удалось: для этого нужно было

создавать серьёзную школу, состоящую из нескольких групп, а к этому мы были не готовы. Так все эти годы наша школа и просуществовала в виде единственной группы, которая регулярно, независимо ни от каких обстоятельств, и летом, и зимой собиралась в приходском доме по воскресеньям.

Вспоминаю наших первых участников. Это был тот первый круг из нескольких человек, которых поначалу собрал отец дьякон; некоторые из них продолжали посещать беседы и в последующие годы, быть может, даже по многу лет. Вот, например, пожилой человек, очень вдумчивый и серьёзный. Он тоже принадлежал к "старшему верующему поколению", т.е. веровал всю свою жизнь и пронёс веру через советское время. Но в те годы у него не было возможности так вот общаться с другими верующими людьми - и вот теперь он радостно, с огромным увлечением пользовался такой возможностью. Он участвовал в обсуждениях, делал небольшие доклады. Несомненно, эти беседы для него много значили.

А вот очень живой и энергичный прихожанин, с искренним и горячим умом. Его горячность, видимо, проявлялась в том, что прежде он был подвержен тяге к алкоголю, и даже в целях излечения подвергался операции "кодирования" (не выдаю при этом его тайны, поскольку сам он об этом нам очень часто говорил). Однако излечение от этой болезни пришло именно сейчас, и совсем другими средствами - именно через его приход к вере. В нём развилась чрезвычайная любовь к чтению Священного Писания - и теперь он, как сам нам рассказывал, по ночам "запоем" читал послания апостола Павла.

Вот ещё одна молодая женщина с детьми. Её тоже разыскал среди прихожан и привёл на наши беседы отец дьякон. Поначалу я думал, что, может быть, напрасно, поскольку в её характере было что-то нервное и тревожное. Однако она проявляла серьёзный интерес к вопросам веры. И что же вы думали - шли недели, месяцы, и её характер стал постепенно меняться! Она - и, я думаю, это произошло не в последнюю очередь благодаря участию в беседах - стала более сдержанной, внимательной, спокойной, вдумчивой. Отсюда следует, что никогда не следует заранее оценивать людей, и что эти беседы служат тому, чтобы менять, исцелять характеры.

Так проходили наши беседы. Я вспоминаю и ещё некоторых участников, ярких и талантливых людей, с которыми мне пришлось общаться в течение нескольких лет. Но всё это - "рядовые" участники бесед, из числа прихожан, которые были привлечены на них отцом дьяконом и вносили в них свой вклад. Дело в том, что в конце концов эти беседы вызвали некоторый интерес и у служителей алтаря. К рассказу об этом теперь и перейду.

.....

Он пришёл к нам на беседы через несколько месяцев после их начала. Я уже описывал этого алтарника - энергичный человек лет пятидесяти, который, видимо, сравнительно недавно пришёл к вере, и в силу этого смотрел на всё более трезво и свободно - в частности, проявил интерес к нашим беседам. Кроме того, он проявлял себя как человек равнодушный, ищущий - оказалось, что кроме нашего храма он посещал ещё другую общину, созданную известным и многими любимым священником, а, кроме того, недавно поступил в только что созданный богословский институт. Таким образом, он "держал руку на пульсе" современной церковной жизни, был в курсе многих тогдашних новых церковных веяний. Потому-то он и проявил интерес к нашим беседам, не считаясь с тем отношением, которое сложилось к ним у многих сотрудников храма, и вскоре принял в них активное, деятельное участие. Как человеку равнодушному, стремящемуся получить духовное образование, ему было предложено готовить некоторые темы, а после и целиком проводить некоторые занятия. Тут-то и выяснилась интересная вещь. Я глубоко уверен, что эти проблемы не только его личные, но совершенно реальные и объективные проблемы некоторой части нашей современной Церкви - и потому я постараюсь их как можно подробнее здесь описать. Пусть благодаря ему эта тема появится на этих страницах - мне кажется, что, в силу своей важности, она ещё будет появляться здесь не раз.

Итак, ему была свойственна любовь к некоторому невразумительному, усложнённому богословию - и одновременно к чтению "лекций". Вы, наверное, встречали таких людей - в любой обстановке, чаще всего не к месту, не учитывая

духовного состояния и действительных интересов слушателей, они заведут разговор о чём-то запредельном - о тайнах Святой Троицы, или о божественной и человеческой природе во Христе, или о божественном замысле, или что-нибудь подобное. Слушателям неловко, слушатели не знают, куда им деваться, а незадачливому "лектору" и дела нет - он вовсе и не ждёт от них возражений или подтверждений, он упивается именно "запредельностью" темы, тем, что, по существу, никто в ней не разбирается и не может из своего опыта ничего определённого сказать, и что он сам поэтому приобретает здесь некое особое положение, оказывается над своими слушателями как бы "на пьедестале". Он как бы "гипнотизирует" своих слушателей своими таинственными и слегка невразумительными речами. При этом хорошо бы ещё, если бы то, что он говорит, действительно было верным, действительно вело бы людей к спасению - а то ведь установить этого нет никакой возможности, как это проверишь!.. Чем менее просвещены слушатели, чем меньше они разбираются в этих вопросах - тем более благоприятна для него ситуация, тем больше раздолья такому "лектору"! И, наоборот, если среди слушателей появится человек более-менее опытный, который хоть в чём-то разбирается, может что-то заподозрить и вывести лектора "на чистую воду", то нет для такого человека ничего неприятнее. Он сразу напрягается, в его взгляде и интонациях появляется что-то жёсткое, он начинает чувствовать себя неловко, и этот незадачливый и "слишком опытный" слушатель сразу становится для него обузой и чуть ли не личным врагом. И не удивительно - ведь благодаря этому человеку не удалось задурить головы слушателям, и такой потрясающий и вдохновенный (хотя, может быть, и бессознательный) замысел не удался!

Вот таким был этот новый пришедший на беседы алтарник. Я общался с ним много раз и могу свидетельствовать, что эта характеристика, данная мной ему, в основном, верная. Но это касалось лишь вопросов богословия и его странной претензии возвыситься в этих вопросах над нами, занять среди нас роль "лектора". В остальном же это был замечательный человек. Он очень свободно и естественно вёл себя в храме, любил поговорить на самые разные темы, пошутить. Был человеком

практическим, деятельным, интересовался не только богословием - так, в тот период, о котором я говорю, он, наряду с прислуживанием в алтаре, также учился водить автомобиль. Несомненно, он вносил нечто доброе в жизнь храма. Благодаря его весёлому, открытому, деятельному характеру эта обстановка, честно говоря, достаточно напряжённая и скованная, становилась мягче, прояснялась. То, что я о нём здесь сказал, касалось лишь его странной манеры говорить о вопросах веры, той странной богословской традиции, к которой он принадлежал.

Если уж говорить об этой традиции, то нужно сделать ещё одно замечание. Традиция эта по-прежнему сохраняется в некоторых церковных кругах, и поэтому я считаю важным то, о чём я здесь пишу. Она известна многим ещё одной своей чертой - особым, подчёркнуто-подобострастным отношением её последователей к некоторым древним авторам, которых в ней принято называть "святыми отцами". Здесь принято считать, что любое утверждение должно быть подкреплено цитатой из такого древнего автора, и что если такую цитату не удаётся подобрать, то утверждение не заслуживает доверия. Я нарочно взял словосочетание "святые отцы" в кавычки, чтобы показать, что это не имеет никакого отношения к настоящим, глубоко чтимым и уважаемым нами древним и современным Святым. Настоящие Святые прожили непростую жизнь, они стремились угодить Богу, в чём-то были правы, а в чём-то ошибались, и далеко не всегда и не во всём пользовались пониманием своих современников. Они излагали свой духовный опыт в книгах - но дело в том, что тогда далеко не все считали их святыми. Тем не менее, люди ценили их книги, и у них возникла потребность их сохранить. Возникла целая культура людей, строящих свою духовную жизнь на чтении подобных книг. Сложился и целый круг подобных книг, состоящий из сочинений людей, которые, с одной стороны, были святыми, а, с другой, что-то писали. Всё это складывалось непросто, в течение целых столетий.

Наконец (я не знаю в точности, как это происходит - но только это, несомненно, происходит в жизни отдельных человеческих групп и сообществ), в людях должна была угаснуть потребность творчества, стремление к самостоятельной духовной жизни, и их сознанием должна была постепенно завладеть мысль,

что "древние авторы уже всё сказали", и что они сами в духовной жизни должны быть только потребителями, только пользоваться духовными достижениями прошлых эпох. Духовная жизнь таких людей должна была принять чисто теоретический, книжный характер - только в таком случае может быть, например, сделано то наблюдение, что разные авторы высокой духовной жизни, жившие в разных странах и в разные времена, при всём различии тем своих книг, пишут, в сущности, об одном и том же, что между различными святыми отцами существует некоторое "согласие". Это, видимо, окончательно завершило создание «потребительского круга» людей, которые отказались от собственного творчества и собственной духовной жизни, и решили теперь жить, только пользуясь достижениями прежних эпох, «стоя на чужих плечах». И вот результат - древние Святые Отцы, которые так непросто жили, которые стремились угодить Богу, которые были правы и ошибались, вызывали такие споры современников, превратились в послушных "святых отцов", которые уютной стопкой стоят на полке, и всегда "готовы к услугам" человеку, который готов остановить любую живую мысль и любой живой разговор к месту и не к месту подобранными цитатами, и тем «возвыситься» над своими живыми, ищущими и думающими современниками. Какое печальное применение действительным жизни и подвигу настоящих, подлинных Святых Отцов!..

Здесь нужно иметь в виду ещё одно обстоятельство. Дело в том, что эта традиция «пользования достижениями прошлого», «стояния на чужих плечах», о которой я здесь пишу, пережила здесь, у нас, в России в XX веке достаточно серьёзные испытания. Попросту говоря, она окончательно исчерпала себя, перестала привлекать новых людей. Многие люди, которых интересовало не то, как спокойно и уютно прожить, "стоя на фундаменте прошлого", а то, как решить свои реальные проблемы, как прожить эту свою подлинную, реальную жизнь, стали искать другие ответы на эти вопросы. В результате от веры отступила значительная часть населения, а в конце концов и вообще возникло новое атеистическое государство, в котором вера была далеко оттеснена с поверхности общественной жизни. Думаю, что это произошло потому, что прежняя традиция опоры

на прошлое, пользования чужими достижениями перестала очень многих людей привлекать.

И вот уже в наше время (я имею в виду время церковного возрождения, которое началось в нашей церковной жизни в конце 80-х - начале 90-х годов) вновь нашлись люди, которые самоуверенно приходили к людям, которые лишь недавно обрели веру, в качестве "учителей", которые стремились поучать их "от лица прежних столетий", которые считали себя «представителями прежней традиции», «стоящими на прочном фундаменте». Всегда позиция этих людей вызывала серьёзный вопрос. Всегда она выглядела неуместной и неестественной. Дело в том, что такой человек говорит, по существу, неправду, изображает из себя то, чем он, в действительности, не является. В действительности, он, конечно же, вовсе не является представителем этой древней традиции, а является таким же человеком, как и мы, недавно пришедшим к вере. И перед ним, по существу, стоит единственный вопрос, такой же, как и перед любым таким человеком - как ему научиться жить с верой в реальных современных условиях. Но он и сам для себя этого вопроса не решал, прячась от него за древними книгами, и других людей от этого вопроса отвлекал. По его представлениям выходило, что жить в этой подлинной данной нам Богом реальности вовсе и не надо, а надо только пользоваться достижениями прошлого! Поистине, трудно переоценить тот вред и то разлагающее влияние на Церковь, которое исходило и исходит от таких людей!

У меня остаётся, пожалуй, ещё один, последний вопрос - почему же это течение, или этот подход к церковной жизни всё-таки существует в нашей современной Церкви, если для него, вроде бы, теперь уже нет никаких оснований? Мне кажется, здесь дело в одном правиле или законе нашей человеческой жизни. Человеку, каков бы он не был, надо непременно «к кому-то принадлежать». Человек в принципе не может жить совершенно один. Он должен чувствовать себя членом какого-нибудь сообщества.

Но, принадлежа к какому-нибудь сообществу, он непременно должен поддерживать его взгляды и понятия. Если он будет мыслить по-другому, другие члены сообщества

перестанут признавать его «своим», и он лишится того чувства единства и защищённости, которое он имеет благодаря принадлежности к этому сообществу. Таков достаточно суровый закон, который вынуждает человека, принадлежащего к некоторому кругу, непременно поддерживать его понятия.

То же, видимо, и в этом случае. Раз уж такие люди пережили всё-таки советское время и имели энергию обратиться к новым пришедшим к вере людям в качестве «учителей», то им, конечно же, обеспечено было некоторое количество учеников. Люди, ищущие наставления, относились к их голосу как к «голосу Церкви», и воспринимали их слова с повышенным доверием. Так они постепенно набирались этих понятий. А потом вдруг оказывалось, что «ловушка захлопнулась», что они уже стали членами определённого круга, и, для того, чтобы сохранять свою принадлежность к этому кругу, вынуждены эти понятия поддерживать и сохранять. Так, я думаю, распространяется в нашей церковной жизни это течение - достаточно нетворческое, безжизненное, но обладающее всё-таки некоторой энергией, чтобы сохраняться и распространять своё влияние. (В этом же, кстати сказать, и принцип любого обучения - оно всегда состоит в том, что человек набирается определённых понятий, и через это приобщается к определённому кругу.)

И вот этот-то, последний момент здесь тоже очень хорошо поняли! Дело в том, что этот подход, или течение в нашей церковной жизни оказались "воплощены" в виде большого церковного института! Этот институт - тоже достаточно заметное явление в нашей современной церковной жизни, и поэтому я попробую его коротко охарактеризовать. Он возник «на волне» нашего церковного возрождения, в самом начале 90-х годов, и поначалу воспринимался как явление свежее и прогрессивное. Особенно привлекало, например, то, что в него принимали достаточно взрослых людей, что позволяло тем, кто недавно пришёл к вере и искал получить духовное образование, надеяться найти здесь некоторую «точку опоры». Но впоследствии стали приходить новые сведения, которые побудили несколько изменить к нему отношение. Так, например, стало известно, что студенты в нём переутомляются, что многих из них отчислили после первого или второго года обучения. Это

вступало в противоречие с представлениями о том, что Церковь призвана исцелять, а не калечить души доверившихся ей людей, и что она никогда не «отказывается» от тех, за кого уже сама взяла на себя ответственность. Стало известно, что образование в этом институте оказалось, в основном, книжным, теоретическим. Обстановка в нём напоминала обстановку самых сложных факультетов самых сложных московских институтов. Стремясь внести элемент духовности в нашу систему высшего образования, он одновременно вносил искажённые, болезненные черты этого образования в Церковь. Как обычно бывает в таких случаях, личность человека, его живые духовные потребности здесь не слишком учитывались. Здесь не церковное учение становилось средством спасения человека, а, наоборот, человек становился средством освоения и сохранения церковного учения. О живом, непосредственном общении с Богом, взаимной молитве, чувстве Божьего присутствия между людьми здесь, вообще, мало говорили. Главное же, что этого здесь и не было, как об этом мог судить человек, имеющий в этом хоть небольшой опыт. Здесь искали основы для своей духовной жизни не в Небесах, у Бога, а в далёкой истории и в древних книгах. Короче, институт этот грозил пополнить собой число учебных заведений, где говорят о Христе, но нет самого Христа.

К тому же, как оказалось, вовсе и не Христос был здесь самое главное. Здесь людей, в основном, интересовала «история России до 17-го года». Здесь, видимо, собрались те мечтатели, которые как-то пережили советское время, мечтая о дореволюционном прошлом - и вот теперь, когда советская система ослабла и Церковь вновь получила возможность возрождения, снова возымели мечту всё это вернуть. Не было конца разговорам о князе Владимире и других русских князьях, об Орде, о временах Петра и Екатерины, о последней царской семье. Не оставляли своим вниманием и 30-е годы, своих последних героев, которые тогда пострадали. Здесь выходило, что образец, или эталон церковной и общественной жизни - это XIX век, а всё, что произошло с Россией в XX веке - это какая-то ошибка или недоразумение. Короче, мысли этих людей целиком принадлежали прошлому. Бесполезно было ждать от них каких-либо идей, связанных с нашим временем, с тем, как нам жить

сейчас, как строить нашу церковную жизнь. Прочно связав свою мысль с дореволюционным прошлым, они обрели «прочный фундамент» под ногами, и им уже не было дела до окружающей реальности. Строительство "виртуального мира", в котором можно уютно существовать, не обращая внимания на реальный окружающий мир, было закончено. Теперь они могли спокойно собираться, и, не проявляя никакого интереса к окружающей их реальности, радоваться тому, что они стоят на «прочном фундаменте», что «древние святые отцы уже всё сказали», щеголять друг перед другом заученными цитатами и думать про себя, что они-то и представляют собой "подлинное православие". Так, я думаю, можно образно охарактеризовать этот круг людей.

Я думаю, всё это в какой-то степени относилось и к нашему знакомому алтарнику. Он тоже как раз в то время учился в этом богословском институте. Видимо, искренне придя к вере и желая послужить Церкви, он искал духовного образования, и воспользовался именно этой возможностью. А дальше уже всё пошло согласно общему правилу - он приобщился к этому кругу людей, и, чтобы оставаться членом этого круга, вынужден был поддерживать его понятия. Таких людей достаточно много разошлось тогда по нашим храмам. Набравшиеся чисто теоретических, книжных знаний, не прикасавшиеся ни одним перстом к реальной церковной жизни, уверенные, что они-то и есть подлинные представители Церкви, что их везде ждут и в обществе, и в Церкви, они приходили в наши храмы и воскресные школы, открывали конспекты когда-то прослушанных ими лекций, готовили по ним новые лекции, не испытывали ни малейшей потребности вступить в общение, или диалог со своими слушателями - и таким образом развращали (т.е. делали похожими на себя) недавно пришедших в Церковь и доверившихся им людей. Не нужно было для этого даже учиться в этом институте целых пять лет (как я уже сказал, людей здесь не ценили, и от неподходящих вполне могли "избавляться") - достаточно было провести в этой обстановке год или два, и она уже как бы "отпечатывалась" в человеке, так что он уже дальше, где бы он ни оказывался, её в себе нёс и распространял.

Вот таким был наш весёлый алтарник. Ему были свойственны черты этого круга людей - и любовь к

невразумительному туманному богословию, и постоянные апелляции к "святым отцам", и подчёркнутый интерес к "русской истории до 17-го года", и стремление к учительству, и любовь к «чтению лекций». При этом, как я уже сказал, на эти черты накладывались личные, и довольно симпатичные его качества. Как я уже сказал, он был весельчак и балагур, и в его изложении духовных вопросов, видимо, присутствовала заметная доля фантазии. Я, с одной стороны, конечно, был рад, что познакомился с таким необычным человеком - а, с другой, меня сильно смущали эти особенности его взглядов и характера. Столько усилий вложить в дорогое для меня дело - и вот вдруг появляется новый человек, и всё дело поворачивается в какую-то совсем другую сторону! Конечно, то, как он проводил наши занятия, меня совершенно не устраивало. Но нас было мало, мы вместе делали одно дело, и в этих условиях подобные личные вопросы нельзя было поднимать. Единственное, что мне оставалось - это, когда он начинал свои фантазии, я просто начинал молиться. Он, чувствуя, что всё идёт как-то не так, от этого проникался ко мне неприязнью. Я, кажется, уже описал, как ведут себя в подобных ситуациях подобные люди - во взглядах их появляется что-то жёсткое, и они начинают считать сидящего напротив человека чуть ли не своим личным врагом. Причина в том, что они пытаются «подчинить» другого человека своим понятиям, а он - надо же, какая незадача! - не подчиняется. Не в силах никак на меня повлиять, он в сердцах стал называть меня "протестантом". Меня это не смущало, поскольку я очень много труда положил на создание школы, в которой он теперь преподавал. На самом деле я уверен, что именно в глубокой молитве, когда Бог присутствует между людьми и всё для них становится и без слов ясно, и заключается подлинное Православие. Потом уже можно выразить и свой реальный, подлинный опыт самыми простыми словами. А в этих неуёмных и невразумительных разглагольствованиях о Боге, в глубокомысленных рассуждениях о том, чего мы ещё не поняли и не пережили, в опоре на «древних отцов», в «стоянии на чужих плечах», на самом деле, не так уж и много правды. Таким образом некоторые люди, вступившие на этот великий путь, и сами к намеченной цели не придут, и других никуда не смогут

привести. Они будут только топтаться на месте и ходить кругами. Вот такие выводы я из этого для себя делаю.

Я понимаю, конечно, что освещение мной затронутых здесь вопросов далеко от полноты. Это течение, ставящее своей целью «опору на прошлое», и этот вопрос, как же на самом деле нужно передавать другим людям опыт своей веры - всё это очень непростые темы. Но моя задача здесь - не столько давать окончательные, исчерпывающие ответы, сколько просто поднимать здесь различные темы. В действительности, я, может быть, вовсе и не хотел затрагивать эти темы сейчас - а надеялся коснуться их в дальнейшем течении моих очерков. Но как знать, удастся ли мне продолжить и закончить эти очерки - и поэтому я коснулся этих вопросов сейчас, при их появлении. Вообще, я, конечно, понимаю, что могу здесь коснуться любой темы лишь поверхностно. Каждый, прочитав эти размышления, сможет сам решить, насколько они его касаются - и, если касаются, то сможет сам, независимо от меня, о них поразмышлять. Мне лично кажется интересной эта тема - судьба нашей Церкви в XX веке, и произошедшая в ней как бы «смена поколений», в результате которой некоторые люди в ней по-прежнему ориентируются на прошлое, пытаются в нём найти опору своего существования - а другие имеют смелость жить настоящим, искать именно в нашей современной реальности путей подлинного служения Богу. Странно было бы в этих моих очерках, посвящённых нашей церковной современности, совершенно не коснуться этой темы. Надеюсь, что мне ещё удастся вернуться к ней в дальнейшем.

Два священника

Шло время. Неожиданно к нашим беседам стали проявлять интерес и священнослужители. Один из них пришёл на наши беседы примерно через год. Его недавно назначили в наш храм, а одновременно он служил в другом храме, где, как оказалось, уже была хорошая приходская школа. Он был уже, можно сказать, готовым ведущим. Это понял отец дьякон, и, найдя с ним общий язык, пригласил его провести у нас некоторые занятия.

Помню первое из этих занятий. Мы собрались, как обычно, за нашим общим столом. Вдруг вошёл новый священник и занял место ведущего. Он был молодой, с живым и ясным лицом, и сразу привлёк наше заинтересованное внимание. Он начал говорить. С первого взгляда было видно, что у него уже есть опыт ведения подобных бесед. Он обращался к нам с вопросами, побуждал их задуматься, приводил интересные сравнения. Помню одно необычное сравнение, которое он привёл, чтобы пояснить необходимость связи человека с Богом. Он описал нам пример водолаза, связанного с поверхностью шлангом, через который к нему поступает воздух. Оборвётся, перекрутится шланг - и человек не сможет дышать. Этот пример он, конечно, не мог почерпнуть в сочинениях древних Отцов. Это показывало, что Православная Церковь жива, что где-то в ней бьётся свободная мысль, что жизнь её не сводится к бесконечному повторению того, что говорили когда-то давно великие древние авторы, что где-то есть люди, которые ищут реальные, живые ответы на актуальные вопросы современности. Много он приводил и других реальных, живых примеров и сравнений.

К сожалению, этот священник не стал регулярно ходить к нам. Проведя два или три занятия, он сослался на занятость и перестал посещать беседы. Я думаю, он просто не захотел "погружаться" в эту ситуацию, брать на себя ответственность. Я уже сказал, насколько непроста была обстановка в нашем храме. Священнику, который, возможно, был назначен сюда лишь временно, возможно, не хотелось во всё это вмешиваться, и он решил ограничиться только совершением богослужений. В конце концов, у него уже была где-то в другом храме своя воскресная школа.

Всё это понятно - а всё-таки жаль! Трудно даже представить, как много могло бы значить участие нового, молодого и образованного священника для наших бесед! Конечно, у него были свои дела, он был занят - и всё же у меня до сих пор остаётся ощущение, что не было в то время более важного дела для этого храма, чем наша воскресная школа!

С этим священником у меня было связано и ещё одно впечатление, быть может, и не столь важное, но о котором я всё же упомяну. Во время тех двух или трех занятий, которые он у нас провёл, мне показалось, что он с некоторой осторожностью и предубеждением относился ко мне. Возможно, это было связано всё с той же сложной обстановкой в нашем храме, так что он и здесь ожидал каких-то проблем и недоразумений. Но, возможно, дело было в другом. Я давно заметил, что в такой обстановке некоторые священники, да и вообще ведущие бесед чувствуют себя неловко и напрягаются, если видят среди своих слушателей человека серьёзного, думающего, с которым действительно можно вступить в общение. Им, может быть, хотелось бы видеть своих слушателей более послушными, скромно кивающими, буквально воспринимающими всё, что они говорят - и когда он видит человека, который действительно участвует в беседе, размышляет вместе с ним, ищет другие ответы на поставленные вопросы, то он невольно замыкается в себе и старается вновь вернуть себе "учительную" роль. Вот сейчас, казалось бы, в беседе родится что-то новое, она выйдет за свои рамки и превратится в настоящий серьёзный разговор - но нет, этого почему-то не происходит, и мы видим по-прежнему возвышающегося непогрешимого "учителя" и робких, послушных "учеников". Это - беда многих церковных ведущих, и об этом я, кажется, уже писал. Так вот, в этом священнике, несмотря на глубину и содержательность всего, что он говорил, тоже присутствовала эта черта. Впрочем, повторяю, может быть, всё это было связано с непростой обстановкой в храме - и к тому же этот священник был у нас на занятиях всего два или три раза. Может быть, если бы он продолжал ходить, то все мы со временем нашли бы друг с другом общий язык, и ситуация бы эта сама разрешилась. Я же по-прежнему уверен, что манера содержательного общего разговора, без подчёркивания чьей-либо

"учительной" роли гораздо более характерна для Православия.

Этот священник, конечно, был очень хороший, но вот зато другой, о котором я хочу здесь рассказать, просто замечательный! Он тоже почти не участвовал в наших беседах, но зато его присутствие и его благотворное влияние на них постоянно ощущалось.

Он тоже пришёл в наш храм через год или два. Однажды утром я захожу в храм - и вижу, что в нём служит новый священник. Он сразу же чем-то привлёк моё внимание. Помню, я тогда же, сразу при первой встрече подумал: "Вот, наконец-то в наш храм пришёл настоящий священник!"

Последующие месяцы подтвердили это первое впечатление. Это оказался человек глубокой духовной культуры, интеллигентный, внутренне свободный. Он был подлинный служитель Церкви. Про него говорили, что он в последние годы в разных местах восстановил, буквально поднял из руин девять храмов. Каждый раз, когда он восстанавливал очередной храм, его переводили в другое место - как я предполагаю, чтобы он не мог "осесть" на одном месте и собрать вокруг себя постоянных прихожан. Я слышал, что в те времена существовала такая практика. Видимо, это тоже было особенностью церковной жизни позднего советского времени, когда всячески старались ограничивать деятельность наиболее ярких и талантливых священников - но отчасти это сохранялось и тогда, в годы уже наступившего церковного возрождения.

И вот, теперь этого священника направили служить в наш храм. Меня интересует вопрос, почему. Наверное, всё с той же целью - сковать и ограничить его деятельность, возможно, окончательно "похоронить" его здесь. И действительно, чувствовалось, что ему здесь тяжело. Эта скованная, затхлая обстановка удручающе на него действовала. И, тем не менее, она не смогла на него окончательно повлиять, и он и в ней смог осуществлять своё призвание и достойно поставить себя.

Видимо, невозможно было каким-то роковым образом повлиять не человека такого уровня и масштаба. У него был талант привлекать и собирать вокруг себя людей. Так и здесь вокруг него постепенно собирался круг его духовных чад. Кроме того, он не ограничивался служением в храме - выступал с

лекциями в каком-то большом учебном заведении. Эти люди тоже стали постепенно приезжать к нему сюда. Так и получилось, что он со временем снова собрал вокруг себя круг "своих" прихожан и стал наиболее ярким и заметным священником храма. К нему на исповедь во время богослужения всегда стояла большая очередь.

Про нашего нового священника даже ходила одна необычная легенда. Ещё когда-то давно, в начале 60-х, в Москве проходило одно большое собрание, посвящённое полёту первых людей в космос. На нём ведущий, видимо, желая покрасоваться перед аудиторией, для большего "шику" сказал, что вот, мол, первые космонавты летали в космос - но никакого Бога там не видели. В ответ из аудитории раздался голос молодого человека, сказавшего только одну замечательную фразу: "Низко летали!.." Так вот, этим молодым человеком, сказавшим эту замечательную фразу, согласно церковному преданию, был как раз наш батюшка! Фраза эта, так же, как и первые космонавты, несомненно, облетела весь мир. Правда, потом некоторые говорили, что первоначальным автором этой фразы был на самом деле не наш батюшка, а другой, более известный и уважаемый священнослужитель, а наш батюшка в числе многих только её повторил. Но, по крайней мере, благодаря этой фразе также и его имя оказалось вписано золотыми буквами в историю космонавтики.

Но я веду речь об отношении нашего батюшки к нашей воскресной школе. Как я уже сказал, он в ней почти не участвовал - но зато его доброжелательное отношение к нам всё время ощущалось. Мы с ним иногда встречались после службы за трапезой, и имели возможность немного поговорить. Однажды он сказал вещь, которая меня поразила. Он сам вдруг завёл разговор о беседах, и вдруг произнёс: "Вы знаете, благодаря этим беседам мы перестали бояться друг друга". Я почувствовал, что он уловил самую суть! Действительно, в алтаре храма, несмотря на постоянно совершаемое богослужение, всё время царило некоторое напряжение. Служителей храма ничто не объединяло, кроме самого процесса богослужения, они, по существу, не знали и не понимали друг друга. Чувства общего дела, настоящих, подлинных христианских отношений не было. Все

это, может быть, интуитивно чувствовали, но никто не мог ничего в этом изменить, и всё продолжало катиться, как есть.

И вот, оказывается, эти беседы смогли несколько изменить ситуацию! То, что каждую неделю собирались несколько человек, которые вместе пили чай, говорили о Церкви, о Евангелии, о жизни, оказывается, довольно сильно влияло на обстановку в храме! Они смогли сделать то, что, по крайней мере, несколько человек - я, отец дьякон, тот необычный алтарник, которого я недавно описал, эти два священника и ещё несколько прихожан смогли смотреть друг на друга спокойно и доверительно, как это и принято в Церкви! Мы перестали быть просто чуждыми друг другу "пользователями богослужения" - и стали близкими друг другу, равнодушными верующими людьми. И это сделали в нашей жизни такие простые, непритязательные приходские беседы!

Это ставит передо мной один достаточно серьёзный вопрос - о месте в приходской жизни богослужения, и таких вот просветительских бесед. Без сомнения, богослужение - главное. Богослужение очищает и возвышает душу, оно почти бессознательно объединяет верующих людей. Оно служит высшим выражением веры - и одновременно способно пробудить первый интерес к вере. В нём особенно ясно ощущается явное, живое присутствие Христа.

Но вот, оказывается, с богослужением в нашем храме всё было хорошо - а реального, живого единения во Христе между людьми не было. Видимо, это потому, что богослужение - это именно вершина церковной жизни, и оно не может заменить собой всю церковную жизнь. Нужно верующим людям и многое другое, что позволит им время от времени подниматься к этой вершине - например, туристическая база, или разбитый лагерь на склоне или у подножья горы. Вид сияющей снежной вершины может лишь на первых порах заинтересовать и увлечь человека, и пробудить в нём желание подняться на неё. В действительности, ему нужно для этого ещё многому научиться. Нужно уметь ходить по горам, пользоваться снаряжением, разводить костёр и ставить палатку, но самое главное - нужны люди, товарищи по походу, которые пойдут туда вместе с ним. Итак, к такому походу нужно долго и серьёзно готовиться. А значит, без турбазы

или тренировочного лагеря не обойтись.

Беда этого храма состояла в том, что здесь собрались несколько "альпинистов-профессионалов", которые всё штурмовали и штурмовали эту сверкающую снежную вершину, забыв и об обычных "любителях", и даже о своих собственных элементарных удобствах. Роль этих обычных "любителей" состояла, видимо, в том, чтобы просто любоваться ими и восхищаться их успехами. Понятна была, отчасти, причина подобного положения вещей. Спорт, и в особенности альпинизм в этой стране был в недавнее время запрещён, невозможно было учить и тренировать людей, тем более устраивать большие общие походы. Наиболее горячие приверженцы этого вида спорта всё продолжали восходить на вершины, небольшими группами и в одиночку, убеждая этим немногих оставшихся любителей, что альпинизм у нас всё-таки существует. Но и среди них уже было что-то не так - они теряли постепенно чувство товарищества, забывали о технике безопасности, среди них, возможно, случались серьёзные обморожения. Тем временем гонения на спорт, и, в особенности, на альпинизм ослабли, многие люди теперь были бы не прочь приобрести этот опыт. Но подвижники, благодаря которым для нас, в сущности, и сохранилась такая возможность, уже были к этой ситуации не готовы. Они уже не могли себе представить, что спорт может носить массовый характер, и всё продолжали и продолжали совершать свои одинокие упражнения.

Всё это я говорю по поводу места богослужения в церковной жизни. Без сомнения, в советское время оно должно было играть совершенно особую роль, потому что ничего, кроме богослужения, делать было нельзя. Но вот произошло потепление, в Церковь устремилось множество новых людей - и их, конечно же, нужно было чему-то научить. А те, кто привыкли совершать богослужения, не были к этому готовы, им казалось, что всё просто должно оставаться как есть, а эти новые люди как-то сами в это вольются. Но "вливаться", по существу, было некуда, поскольку это богослужение часто представляло собой просто мёртвый устав, и между совершающими его людьми часто не ощущалось живого присутствия Христа. Отношения между такими людьми часто оставались отчуждёнными, холодными.

Весьма было вероятно, что придут новые люди, которые наберут и подготовят себе новых учеников - а эти люди, как те самоотверженный альпинисты (которые, конечно, сохранили в своей стране этот ценный вид спорта), так и уйдут в неизвестность, не оставив по себе никакого доброго наследия.

Перед нами, попросту говоря, стояла задача "разбить лагерь у подножья горы". Там люди могли учиться, отдыхать, знакомиться, готовиться вместе к более серьёзным горным походам. Некоторые "профессиональные альпинисты", из тех, кто не замыкались в себе и проявляли интерес к потребностям нашего времени, могли приходить сюда, делиться своими знаниями и опытом - и одновременно отдыхать в нём. И эта задача была достаточно успешно выполнена.

В этом я вижу главный результат наших бесед. Правда, всё это делалось в довольно неблагоприятной обстановке, и, возможно, не развилось в той степени, в какой бы могло развиваться. Но главное было достигнуто - как об этом и сказал наш замечательный батюшка, "мы перестали бояться друг друга".

Но вернусь вновь к нашему священнику. Итак, он продолжал здесь служить - и скоро стал самым ярким и заметным священником храма. Вокруг него снова понемногу собрались и те люди, которых он знал прежде, и новые последователи из наших прихожан. Не удалась идея "сослать" его в наш храм и тем прервать его деятельность! На таких людей вообще никак невозможно внешне повлиять и как-то подчинить их себе.

Зато его деятельность имела на храм самое несомненное влияние. Буквально за два года обстановка в храме заметно изменилась. В ней теперь было гораздо больше свободы, ясности, глубины. Храм наполнился новыми прихожанами, которые собирались вокруг своего "доброго пастыря".

Из-за этого я даже не слишком переживал, что он не принимает заметного участия в деятельности нашей воскресной школы. Я понимал, что у него совершенно другое призвание и другие возможности. Достаточно было его духовной поддержки и доброжелательного к нам отношения. Понятно ведь было, что мы, хотя и занимались разными делами, но в действительности делали одно дело!

В его жизненную ситуацию, в то, как складываются его

отношения с настоятелем, с другими священниками и сотрудниками храма я, по понятным причинам, не мог вникать. Я думаю, что эти отношения были построены на "принципе невмешательства". Главное, что я чувствовал, - что у нас с ним возникла духовная близость, что он всегда в самом главном понимал и поддерживал меня.

Это был один из самых интересных и удивительных людей, которых я вообще в своей жизни встретил. И я благодарен судьбе, которая, видимо, также и ради этой встречи привела меня в этот храм.

Отец дьякон. Отдельные впечатления

Наши занятия продолжались по-прежнему. Всё это время их вдохновителем и организатором был отец дьякон. Собственно, то, что я так называю его здесь, не совсем верно. Именно в период наших занятий произошло решительное изменение в его судьбе. Как-то храм с обычным инспектирующим визитом посетил Патриарх. Увидев молодого, энергичного дьякона, он сказал примерно следующее: "Как, Вы всё ещё не священник? Начинайте готовиться к рукоположению". С этого момента для нашего отца дьякона наступили новые времена. Он реже бывал на богослужениях и занятиях, чаще уезжал куда-то - и, наконец, на некоторое время совсем пропал. Вернулся он уже священником. В таком качестве я и знал его в последующие годы. Вот это важное обстоятельство должен иметь в виду читатель. Но я для ясности буду по-прежнему называть его "отцом дьяконом" - потому что именно так я в первый раз познакомился с ним, и потому что именно в таком качестве он начинал наши занятия.

Что же это был за человек? Я уже сказал, что это был обычный наш современник, который горячо, искренне и неравнодушно пришёл к вере. Он обладал большой жизненной энергией, стремился служить людям, не любил сидеть без дела. Я уже сказал, что ещё прежде, когда он ещё делал только свои первые шаги в вере, он полюбил ездить в Троице-Сергиеву Лавру. Там он в конце концов поступил на заочное обучение, и через некоторое время стал дьяконом. Вот, собственно, всё, что

мне известно.

Наши понятия далеко не всегда совпадали. Особой радостью для меня всё это время было то, когда нам удавалось достичь взаимопонимания. Помню, например, какую радость во мне вызвали его размышления о Священном Писании. Он тогда заговорил о том, какая это удивительная Книга, какое она оказывает огромное влияние на человека, как она может полностью изменить его сознание. За этим стоял его личный живой опыт, опыт внимательного чтения Священного Писания. Такие моменты всегда убеждали и радовали меня.

А вот другой случай, который произвёл на меня совсем другое впечатление. Как я уже сказал, некоторые из наших участников приходили на занятия вместе с детьми. Дети эти занимались или в другой комнате, или прямо вместе с нами, за соседним небольшим столом. И вот, отец дьякон, для того, чтобы занять их, раз за разом предлагал им вновь и вновь писать на листочке всё те же "десять заповедей", и потом "отвечать" их. Меня это очень сильно смущало и огорчало. Ведь известно, что серьёзные вопросы веры - не для детей, что от них нельзя требовать того, что выше их понимания и что предназначено для взрослых. Для них было бы вполне достаточно, если бы они просто находились при храме рядом со взрослыми людьми, и занимались бы чем-нибудь нейтральным - например, писали сочинение на тему "как я провёл лето", или просто бы занялись рисованием. Но отец дьякон, как мне кажется, несколько неловко и неумело подчеркнул, что они учатся именно в "воскресной школе". В этом не отражался его личный внутренний опыт, а сказывались, как мне кажется, понятия того круга людей, с которыми он в то время общался. Такие моменты меня сильно смущали.

Вспоминается другой случай. К нам на занятие как-то пришли две знакомые одной из участниц, которые, как оказалось, были не православные. В то время в Москве появилось множество новых сект, и многие люди, искренне искавшие веру, попадали в них. Наша знакомая очень переживала за двух своих подруг, и, наконец, сумела их зазвать на наши воскресные беседы, в надежде, что это сможет на них как-то повлиять.

Началась беседа. Через некоторое время выяснилось, что

эти две женщины посещают свою секту. И тут я вдруг не узнал нашего отца дьякона: он начал вдруг говорить с ними резко и высокомерно, стараясь всячески подчеркнуть особую роль Православия и высказать своё пренебрежение к их секте и к ним самим. Были высказаны обычные в таких случаях идеи - о том, что Православие - единственная истинная Церковь, что во всех прочих христианских сообществах нет ни капли Истины. Бедные подруги нашей знакомой были крайне смущены. Сама наша знакомая чуть не плакала - она, видимо, поняла, что её миссия не удалась, и что её подруги больше сюда не придут. И действительно, обе незнакомые женщины, досидев до конца, ушли - и больше здесь не появлялись.

Меня до сих пор волнует вопрос - почему отец дьякон так поступил? Быть может, сыграло роль его положение священнослужителя, то, что он бы обязан в любых ситуациях защищать Церковь. Но в данном случае это было явно излишним: женщины эти, очевидно, не были давними и сознательными представителями своей секты, а были просто обычными современными ищущими людьми. Им было бы достаточно просто увидеть православных людей, то, как они собираются, читают Священное Писание, говорят о вопросах своей веры, ощутить добрую, благожелательную атмосферу на их собраниях - и в их сознании, может быть, что-нибудь и повернулось бы. Можно было бы договориться о дальнейших отношениях - о том, будут ли они приходить сюда ещё, объяснить им цель и содержание занятий, быть может, дать какое-нибудь "домашнее задание". Можно было узнать их собственную цель, степень их интереса к Православию. Можно было построить первоначальные отношения на основе чтения и изучения Св. Писания. Были, вероятно, и другие возможности. Всё это не имело бы цели, конечно, мгновенного их обращения к Православию - скорее всего, они и сами не ставили перед собой такой цели. Но, по крайней мере, они почувствовали бы, что здесь люди живут полноценной и глубокой духовной жизнью, что здесь происходит нечто интересное, что здесь можно было бы многое для себя найти.

Но всего этого не осуществилось. Наш руководитель поговорил с ними резко и грубо, они смутились и больше не

пришли. Может быть, отец дьякон не был готов к этой ситуации, и его смутила неопределённость её дальнейшего развития? Но, если подумать, то нам ничего не грозило. Он продолжал оставаться православным священнослужителем - и это не могло бы измениться от того, что мы более внимательно отнеслись бы к этим двум женщинам. Мы продолжали оставаться прихожанами своего храма, и это тоже никак не менялось. В будущем мы точно так же продолжали ходить в свой храм, исповедоваться в нём и причащаться. Но мы могли бы лучше разобраться в этом вопросе, приобрести в этом некоторый опыт. Мы могли бы перестать "бояться" этой темы. Дело в том, что часто мы боимся или опасаемся некоторых вопросов просто потому, что не пытаемся в них разобраться. Начнёт человек прикладывать усилия, интересоваться темой, что-то читать, размышлять - и постепенно все туманы рассеиваются, и наступает большая ясность. Мы могли бы постепенно, пусть не до конца, но всё же разобраться в этой теме - что же такое Православие, а что - другие конфессии, и это бы, несомненно, обогатило нас. Но, по-видимому, мы действительно в то время были к этому не готовы, и эта возможность не осуществилась.

Этот случай в очередной раз показывает всю непростоту вопросов, связанных с другими конфессиями и сектами. Обычно в жизни мы решаем более простые вопросы. Обычно перед нами отдельный человек, его духовный путь, его стремление к Богу - и речь обычно идёт об обретении им веры и о его присоединении к Церкви. Далее, когда человек присоединится к Церкви, встаёт вопрос о его духовной жизни, и об общении и взаимодействии верующих людей. И то эти вопросы - прихода человека к вере, его последующей духовной жизни, общения и взаимодействия людей в Церкви - невероятно сложны. Здесь же речь идёт вообще о вещах трудно постижимых - о том, что в разное время и в разных местах на Земле возникало множество христианских конфессий, и что у каждой из них свои понятия, и своё чувство собственной истинности, и свой собственный "миссионерский заряд", нацеленный не только на неверующих, но и на членов других конфессий. Эта ситуация порождает столько сочетаний и вариантов, что становится поистине умонепостижимой. Хорошо, что есть у нас древняя, традиционная Церковь, в которой человек

действительно обретает спасение, и поэтому о множестве других вариантов ему, вроде бы, можно и вовсе не размышлять. Но если он всё-таки с некоторыми из этих вариантов сталкивается, если они каким-то образом его касаются, то, видимо, ему всё-таки нужно иметь и о них какое-то представление. Моя главная мысль - что не нужно этих вопросов бояться. Тогда, по крайней мере, не будет таких ситуаций, что произошла у нас на той беседе с отцом дьяконом. В конце концов, действительно ведь никто ничем не рискует - все понимают, что они члены разных конфессий, что они ходят в разные собрания - поэтому если кто-то вдруг по какой-то причине вдруг «забредёт» в другое собрание, то, мне кажется, эти вопросы можно вполне искренне и определённо обсуждать. Конечно, хорошо показать таким людям правду и глубину своей Церкви - но, мне кажется, это нужно делать реальным делом, а не просто громогласными заявлениями. Так, по крайней мере, я это понимаю.

Но вернусь к нашему отцу дьякону. У него была ещё одна замечательная черта - никогда, во всё время нашей деятельности, он не ограничивался только храмом. Он прекрасно понимал, что Церковь больше храма, и что в то время весь успех церковной деятельности зависел от того, насколько Церкви удастся выйти за пороги храмов. С самого начала, наряду с усилиями по созданию воскресной школы, наша деятельность сосредоточилась в соседней районной библиотеке. Ему удалось найти общий язык с её руководством, "договориться об общих намерениях" - и с тех пор мы довольно часто её посещали. Я уже сказал, что именно там нам удалось разместить часть собранных мной для церковной библиотеки книг. Впоследствии там же, вдалеке от храма, проходили некоторые беседы, достаточно многолюдные собрания, встречи с интересными людьми.

Итак, в нашем отце дьяконе противоборствовали, или, лучше сказать, сочетались два влияния. Первое — это был он сам, его собственный смелый и свободный приход к вере, его собственное искреннее желание послужить Церкви, Христу. То, что исходило из этого источника, было всегда удачно, уместно и естественно. Но было и другое влияние — это взгляды и понятия того круга людей, среди которых он общался, к которым по своим понятиям и взглядам принадлежал. Я не знаю в точности,

что это были за люди. Предполагаю, что это были те люди, с которыми он общался во время своих поездок в Троице-Сергиеву Лавру, поскольку именно туда он начал ездить ещё с начала 90-х годов и именно там он приобрёл главные свои понятия. Судя по его поведению, я не мог составить себе доброго впечатления об этом круге людей. То, что рождалось в самом отце дьяконе, как я уже сказал, было всегда разумно, уместно и естественно, а то, что он, по всей видимости, воспринимал там, даже мне, человеку, близко знавшему его и работавшему с ним, часто казалось несколько странным, грубым и неестественным. Мне кажется, это в какой-то степени сковывало его увлечённую, живую и творческую натуру.

Написал сейчас это - и остановился. Мне пришла мысль - а кто же из нас свободен от таких влияний?.. Кто из нас может сказать, что он полностью самобытен и оригинален, и совершенно не зависит от понятий и взглядов встреченных им на своём жизненном пути людей?.. И сам я, пишущий эти строки - не являюсь ли, с одной стороны, свободной, самостоятельной личностью, а, с другой - некоторым «сочетанием влияний» тех людей, которых я в своей жизни встретил и с которыми общался?.. Видимо, это нормально, это так и должно быть. И вот теперь я, составляя эти воспоминания, очень стараюсь выбрать из всех этих собственных впечатлений и влияний что-то самое важное, и ещё стараюсь внимательно их обдумать, чтобы принести некоторую пользу читателю.

.....

Что же ещё вспомнить из тех лет?.. Я теперь стараюсь вспоминать отдельные впечатления или картины, которые в какой-то степени рисуют всю эту обстановку в целом. Вот, например, ещё такая картина. Время после окончания литургии и перед началом бесед. Мы, их участники, собрались перед приходским домом во дворе. Мы рады друг другу, здороваемся, беседуем. Но вдруг я ловлю себя на одном необычном чувстве - мы чувствуем себя будто отдельно от других прихожан! Обычные прихожане, которые просто приехали на службу и сейчас разойдутся по домам, - они уже будто отдельно, они сами по себе, они не принадлежат к нашему кругу! Тем более те, кто

оказался в храме "случайно", кто просто приехал хоронить своих умерших родных! Мы, благодаря тому, что много месяцев так вот регулярно встречались, составили как бы свой особый круг.

И это в какой-то степени может вызвать тревогу. За этим можно увидеть некоторое внутреннее разделение, нарушение единства Церкви. Но в действительности это и естественно, и закономерно. Без развития приходского просвещения, без подобных бесед невозможно. Они - как глоток свежего воздуха для тех, кто сумел приобщиться к ним. Поэтому дело не в том, чтобы отказаться от таких бесед, но, наоборот, в том, чтобы всячески их развивать. Там, где возникла одна такая группа, неизбежно должна возникнуть вторая, третья - и так далее, пока это не вовлечёт в себя весь приход. Это неумолимая и естественная логика развития церковной жизни. Храм должен представлять собой не сообщество разрозненных людей, которые собираются на богослужении и потом расходятся по домам - но прочное единство знающих друг друга людей, которые регулярно ходят на такие вот беседы, и в силу возникшего между ними единства посещают и богослужение. Но понятно, что это должно быть делом всего прихода, а не какой-то отдельной небольшой группы людей. Если же такие беседы посещает отдельный небольшой круг людей, то неизбежно некоторое нарушение этой гармонии, некоторое выделение и обособление этого круга. Но в этом не было нашей вины. Мы делали то, что могли, и на наших беседах был достигнут более высокий уровень церковной жизни. Причина была в неестественной и искажённой обстановке этого храма, в которой это совершенно естественное и необходимое дело, достойное того, чтобы занимать в ней одно из первых мест, не пользовалось достаточным вниманием и было оттеснено далеко на периферию.

Другое впечатление - совсем другого характера, но тоже в какой-то степени с этим связанное. На этот раз речь пойдёт о наших певчих (тех самых, которые приходили сюда из консерватории, и пение которых было чисто музыкальным, профессиональным, но, к сожалению, мало духовным). После богослужения они обычно шли в приходской дом и устраивали там репетицию. Они садились за тот же самый стол, за которым и мы занимались, раскладывали перед собой свои ноты, пили чай, о

чём-то беседовали. И вот, я помню какую-то не в меру ревностную женщину, которая в это время всё ходила под окнами дома, специально становилась на цыпочки и заглядывала в окно, и, видя их за столом в комнате, специально пожимала плечами, разводила руками и недоуменно восклицала: "Это что - протестанты?!.." В этом, конечно же, проявлялись дремучие, ограниченные понятия этого круга людей. По их понятиям, Православие никак иначе и не может проявлять себя, как только в обстановке храма, в окружении икон и горящих свечей, при звуках церковного пения, в собрании людей, стоящих вместе и смотрящих в одну сторону, и время от времени крестящихся и кланяющихся. Такое бессознательное представление во многих в то время было распространено. Единственное, что оправдывает этих людей, - что не они сами, конечно же, придумали себе такие представления, а просто послушно восприняли ограниченность и заблуждения своего времени.

Ещё одно впечатление - тоже несколько иного характера, но тоже, кажется, имевшее к этому отношение. У нас в храме одно время служил молодой священник. Он выгодно отличался от остальных некоторой своей собранностью, строгостью, чёткостью и ясностью понятий. Это не был тип "благодатного" батюшки, который своей улыбкой и теплом, исходящим от него, стремится привлечь к себе людей, а скорее тип строгого подвижника, который всем своим видом и внутренним состоянием стремится настроить собеседника на серьёзное и безраздельное служение Христу. Он тоже как-то неожиданно попал в наш храм, и как-то неожиданно исчез из него, и я думаю теперь - не было ли для него это тоже некоторым родом "ссылки"? Он, несомненно, был глубоким и подлинным служителем Христовым, но чувствовал себя неуютно в этом храме, среди этой формальной и затвердевшей обстановки, ощущал себя как бы "белой вороной".

И вот, однажды мы все собрались в нашей маленькой трапезной около алтаря. А он в это время заходит с улицы - как всегда, углублённый в себя, собранный, серьёзный, лишь мельком взглядывает на нас, не присоединяется к нашей компании и скорей проходит в алтарь. Наш алтарник, тот самый, о котором я столько уже писал, наш весельчак и балагур,

любитель читать лекции и к месту и не к месту поминать "святых отцов", - кивает ему вслед, махает рукой и насмешливо говорит: "Обновленческий батюшка!.."

В этот-то момент я вдруг всё и понял! В этих его словах проявилась самая суть различия между этим священником и им самим! Он сам чувствовал себя здесь как дома, но при этом понятия его были сбивчивы и неточны, он скорее предлагал людям не Христа, а самого себя и обстановку храма - и при этом он-то и чувствовал себя представителем настоящего Православия! А этот священник был здесь как бы посторонний, чувствовал себя здесь "белой вороной" - и вот он-то и предлагал людям ясные и строгие духовные понятия, призывал их к подлинному служению Христу! Невозможно было лучше проявить различие между этими двумя течениями в нашей церковной жизни! Одно из них, уже принадлежащее прошлому - это были, образно говоря, «люди храма». Они ютились в советское время в немногих открытых храмах и монастырях. Там создавалась своя особая атмосфера, по-своему привлекательная, но крайне далёкая от реальности. Люди эти, лишённые возможности реальной деятельности и реального воздействия на окружающую жизнь, сосредотачивали всё своё внимание на богослужении, уходили мыслями в прошлое, углублялись в абстрактное невразумительное богословие и чтение старинных книг, и в результате ещё больше теряли связь с реальностью. Они, как я уже сказал, обладали некоторой привлекательностью, поскольку могли иметь искреннюю веру - но они совершенно не понимали окружающей жизни, окружающих людей, и, по существу, не имели, что им сказать! Это было безжизненное, уходящее течение в нашей церковной жизни - но именно оно, благодаря некоторой гордости за то, что здесь удалось сохранить веру, заявляло о своей особой «традиционности», «фундаментальности», и называло себя «настоящим Православием»!

Но было и другое течение - людей более скромных, собранных, чувствующих ответственность за окружающих их людей и за своё время. Они имели ясные и чёткие понятия о вере, и не смущались сообщать их окружающим их людям. Внимание их было сосредоточено не на территориях храмов, а на реальной

окружающей жизни. Они избегали усложнённого невразумительного богословия и обращали свой взор, в основном, не на прошлое, а на настоящее и будущее.

Очевидно, что это и был тот подход, который необходим нашему времени, что это и была подлинная, полноценная наша церковная жизнь! И вот - оказалось, что люди первого типа часто гнали этот подход, не принимали его! Они видели в нём какую-то угрозу своему собственному существованию, и старались представить себя "подлинным православием", а этот глубокий, чистый и трезвый подход - "обновленчеством"! Они всячески чинили этому течению препятствия, угнетали его, старались заставить представителей этого течения почувствовать себя "пасынками" или "белыми воронами" в своей родной Церкви! И то, что эти люди поступали так, что они не узнали своего времени и воли Божьей, по существу, решило их собственную судьбу, этим они совершили суд над самими собой.

В этом я вижу основное содержание нашей церковной современности - в наличии в нашей Церкви этих двух течений, одного устремлённого в прошлое, и другого устремлённого в будущее, и в том, что в нашей современной церковной реальности между ними возникло некоторое противостояние. Это - результат тех непростых событий, которые наша Церковь пережила в XX веке, в результате чего в ней возникло как бы две «волны» - одна, ориентирующаяся на церковную культуру XIX и начала XX века, и другая - ориентирующаяся на наше настоящее. История, я считаю, уже совершила свой суд - "старое" течение, несмотря на то, что по-прежнему существует и даже способно в какой-то степени привлекать новых людей, постепенно, но неумолимо уходит в прошлое, а новое постепенно «замещает» его и всё больше выходит на поверхность церковной жизни. Вероятно, наличие этих двух течений в современной церковной жизни имеет свой смысл - оно подчёркивает свободу человека, который в этой ситуации должен сделать свой выбор. Само существование этих двух течений явилось следствием тех непростых событий, которые пережили наша страна и Церковь в XX веке, и если это так, то это может объяснить и смысл этих событий. Возможно, смысл всего того, что пережили наша страна и Церковь, как раз в том и состоял, чтобы увести с исторической

арены это прежнее церковное течение, и дать дорогу новому. Впрочем, я, конечно, сознаю, что не должен делать здесь столь серьёзных и окончательных выводов, и мне, конечно, интересно знать мнение по этому поводу читателя.

Но я заговорил об очень важных и непростых вопросах, и отвлёкся от моих реальных жизненных впечатлений. Вот ещё одно такое впечатление. Наш отец дьякон был однажды занят, и во время занятий должен был уехать. Как давнему и надёжному их участнику, он в этот раз поручил проведение занятий мне. В этом действительно не было ничего странного - нашему отцу дьякону, конечно же, нужны были помощники. Я уже не раз выступал в этой роли, готовя некоторые «доклады» и даже проводя, по существу, некоторые занятия. В задачи такого ведущего входило, в сущности, не так много - поддерживать порядок на беседе, организовать обсуждение, заботиться о переходе от темы к теме.

Мы все собрались нашей комнате, сели, началось занятие. Вдруг в середине его в комнату входит староста (которого я здесь уже немного описал), оглядывает нас, видит на учительском месте не дьякона, а меня, вдруг грубо прерывает занятие, и велит нам всем очистить комнату и выйти в коридор. Что его могло смутить? Ведь он, наверное, понимал, что не может же отец дьякон все пять лет полностью один проводить занятия! Ведь знал же он наверняка, что довольно часто их проводит наш «весёлый» алтарный!

Вот такие моменты меня очень сильно смущали и огорчали. Или он имел какой-то «зуб» на меня?.. Ладно уж, теперь, под конец этих размышлений и описаний, уделю и ему некоторое внимание. Здесь, кажется, был такой момент, который не так-то просто выразить. Во всяком случае, ошибётся тот, кто увидит причины подобного поведения только в неприязни ко всему новому, в том числе и к любым формам церковного образования. Видимо, в данном случае всё было немного сложнее. И я, под конец начиная входить уже в достаточно тонкие и непростые детали, попробую и это здесь как-то объяснить.

Таинственный староста

Я уже описал немного нашего старосту. Он был наиболее важным и ответственным сотрудником храма, поскольку в его задачи входило набирать хозяйственных работников. Поэтому он и вёл себя здесь, как хозяин. Его позиция в чём-то была прочнее, чем позиция настоятеля. Настоятель представлял "духовную власть", совершал богослужения и почти не общался с людьми - староста же представлял земную, конкретную власть, организовывал людей - и потому в конце концов так получалось, что именно от него во многом зависела нормальная жизнь храма. Я уже описал, как он вёл себя с другими сотрудниками, священниками, и даже с настоятелем. Положение его здесь было очень надёжным и прочным.

Быть может, поэтому он и не принимал наших просветительских усилий. Верна, видимо, моя догадка о том, что подобные люди видели в них некоторую угрозу своему положению. И всё-таки я не хотел бы рисовать нашего старосту одной только чёрной краской. Это был сложный характер, в его душе сочетались разные противоречивые качества, и вот об этом я здесь хотел бы немного поразмышлять.

Ведь наш староста был человек верующий. Не случайно он пришёл в храм - его привело сюда искреннее желание служить Церкви. Теперь, по прошествии многих лет, я ясно вижу: нет, не стремление к наживе и не поиск каких-то жизненных выгод заставляли его исполнять эту должность, а именно его искренняя вера. Не случайно он и сторожей нанимал достаточно культурных и верующих, и сына своего воспитал в вере - и даже привёл его в этот же храм. Всё свидетельствовало о том, что это был человек в Церкви далеко не случайный, который здесь находился на своём месте.

И вот он нашёл себя в организации хозяйственной жизни храма. Скоро он действительно почувствовал себя в храме хозяином, всё в храме действительно зависело от него. Но ведь жизнь храма в действительности не состоит из одних хозяйственных забот! Главную роль в ней всё-таки играют священники. Если бы в храме были бы только одни хозяйственные работники и староста, он был бы просто никому

не нужен, никто бы просто не пришёл сюда! Священники же были люди образованные. В Церкви важны именно содержание веры, именно духовные понятия. Без этого она просто не смогла бы существовать.

Именно по этому пути и пошли мы с отцом дьяконом. Мы старались, чтобы люди приобретали эти понятия, и чтобы именно это их объединяло. А он, по-своему любя храм и богослужение, видимо, думал, что всё это второстепенное и неважное, и нужно только поддерживать обстановку храма, и её от всяких нововведений охранять. Получалось, что его картина жизни была несовершенной, неполной. Он отрицал именно то, благодаря чему сам же и существовал. Если бы всё было так, как он видел, то и храма этого попросту не было бы. В этом, мне кажется, была некоторая странность и двусмысленность его положения.

Тем не менее, он всё-таки выполнял в храме роль лидера. Интересно будет посмотреть, а в чём же состояла эта роль. Мне кажется, она, так же, как и многое в этом храме, во много вытекала из ситуации позднесоветского времени. В это время, когда церковная жизнь была затруднена, многие верующие находили выход своей энергии в делах, почти не связанных с верой. Вот, например, в храмах делать ничего было нельзя - но храмы, тем не менее, должны были существовать. Естественно было, находясь в храмах, верующим людям строить свою жизнь не на духовных, а на душевных, приятельских отношениях. В этом, видимо, разгадка многого, что происходило в этом храме. Я упомянул уже, что он временами напоминал «клуб», что многие прихожане приходили сюда «просто так». То же в каком-то смысле касалось и женщин, сотрудниц храма - они занимались здесь бытовыми, хозяйственными заботами, но с ними совершенно невозможно было поговорить о вопросах веры. В целом в храме произошло «замещение» духовной жизни - вполне земной, материальной, или же, в лучшем случае, душевной жизнью. И лишь только в алтаре сохранялся остаток духовности, но и он не мог противостоять тем волнам земной, материальной жизни, которые со всех сторон набегали на него.

В этой обстановке староста занимался тем, что было в ней естественно - он просто собирал здесь свою дружескую компанию. Он честно работал в храме, был верующим человеком

- и при этом в храме всё ширился круг его приятелей. Он, видимо, имел в этом талант - умел привлекать людей, был хорошим другом. Может показаться, что это достаточно близко к Евангелию, но в действительности это не совсем так - Евангелие ведёт к тому (я сейчас не буду подробно этот момент объяснять), что духовными братьями, духовно близкими друг другу людьми становятся люди, которые в обычном смысле не являются друзьями. Происходит это именно на основе общей духовной жизни, общих понятий. В компании старосты произошло «замещение» этих, духовных отношений обычными дружескими, душевными отношениями.

В этом, я думаю, разгадка этой ситуации. Староста не делал ничего плохого, его роль при храме даже была доброй, поскольку он набирал сюда на работу неплохих людей. Но эта дружеская компания, в принципе, могла существовать и не при храме, для её существования вера, по существу, не была нужна. И вот, они работали здесь при храме, сторожили, дежурили, занимались другими хозяйственными вопросами - и при этом совершенно не интересовались вопросами веры, а когда встал вопрос о создании при храме библиотеки и воскресной школы, даже с неприязнью отнеслись к ним. При этом, как я уже сказал, возникала парадоксальная ситуация - они с одной, стороны, «пользовались» атмосферой храма, «потребляли» эту веками сложившуюся обстановку - а, с другой, получалось так, что само существование храма, его материальное, ежедневное благополучие целиком зависело от них. Вновь и вновь удивляюсь той странной, неестественной обстановке, тем смещениям и искажениям, которые в течение десятилетий сложились в этом храме.

Теперь, если в храме появлялся новый человек, который хотел послужить Христу, участвовать в жизни храма - то как здесь могли к этому относиться? Конечно, старались в первую очередь приобщать его к своей компании - ведь именно себя они и воспринимали как «общину» храма! Но вот этого-то как раз в моём случае было и невозможно - ведь я пришёл сюда совсем с другими целями! Областью моих интересов было церковное просвещение, приобретение ясных и определённых понятий о вере! Как я мог принадлежать к компании людей, совершенно безразличных к этим вопросам?.. Может быть, мне следовало

относиться к ним более "дипломатично", уделять им больше внимания, стараться побольше общаться с ними, поддерживать с ними добрые отношения? Но видит Бог, что тогда я этого не мог! Человек через 3 или 4 года после прихода к вере ещё не способен решать подобные ситуации, относиться с любовью ко всем встреченным людям - он ещё мыслит конкретными задачами и способен сосредоточивать свои силы только на главном. У меня была задача создать здесь воскресную школу, и иначе бы я сюда просто не пришёл. Душевных сил на то, чтобы близко общаться с людьми, которые были к этой задаче безразличны и даже враждебны, у меня не было. У меня в прежние годы уже был опыт общения с церковными сторожами и дежурными, но тогда передо мной не стояло этой цели - и, кстати сказать, из этого общения так и не вышло ничего серьёзного. Поэтому, видимо, я и не мог принять "приглашения" старосты и других сотрудников храма стать их «закадычным приятелем», и спокойно и уютно проводить здесь с ними время при храме. Старосту, вероятно, это обидело, потому что получалось так, что я таким образом как бы «отверг его дружбу». Я пришёл в этот храм и старался что-то делать при храме - но "не встроился" в ту систему, которую он здесь, сознательно или бессознательно, создал.

Вот, видимо, в чём была разгадка этой ситуации! Сознаю, что я, может быть, был здесь не совсем прав - но, как я только что объяснил, не был и виноват. Меня иногда волнует вопрос - а как же они, люди старшего поколения, имевшие более глубокий опыт в вере - я имею в виду старосту и даже самого отца настоятеля храма?.. Почему не поддержали молодого человека, который с искренней верой пришёл в храм, и даже имел здесь цель послужить Церкви в области церковного просвещения?.. Даже если я чего-то не понимал, они, как более старшие и опытные, могли это понять, поддержать мои (и не только мои, но и отца дьякона) добрые стремления, и построить на этом добрые отношения!..

Но в действительности, я думаю, они этого тоже не могли. На них наложила неизгладимый отпечаток обстановка советского времени. Они слишком привыкли к тем временам, когда, кроме богослужения, в храме ничего делать было нельзя, и любое нарушение этого правила воспринимали как некоторую

опасность. В новых условиях, в обстановке наступившего теперь духовного возрождения они были совершенно беспомощны. Они только могли продолжать сохранять эту прежнюю привычную жизнь, и бояться и избегать любых отклонений от этих привычных правил. Никто из них за эти несколько лет так и не проявил живого, искреннего интереса к нашим занятиям, никто из них так ни разу и не пришёл на них!..

Вот так примерно я вижу теперь эту ситуацию. Может быть, что-то моменты я вижу не совсем верно, может быть, какие-то моменты я не учёл... Во всяком случае, теперь, по прошествии многих лет, я чувствую, что у меня нет оснований испытывать какую-то особую неприязнь к этому человеку (я имею в виду старосту) - и вообще ко всем встреченным мной при этом храме людям. Они были такими, какими они и должны были быть. На всех их наложило свой неизгладимый отпечаток время. Они не виноваты, что застали время угнетённости и стеснённости церковной жизни, и никак не могли воспринять тех требований, которые предъявляло к ним новое, наступившее затем время. Я сожалею, что не имел тогда внутренних сил более внимательно и по-доброму относиться ко всем таким людям, и что все мои силы отвлекла на себя единственная задача - создания воскресной школы, но я объяснил здесь, почему это было так. Теперь я, более просто и широко смотря на жизнь, наверное, поступил бы по-другому. В целом я сознаю, что, несмотря на то, что наша деятельность встречала там препятствия, я встретил в этом храме много честных, самоотверженных, искренне верующих людей. Возможно, и им самим иногда было нелегко, и с этим были связаны некоторые возникавшие между нами недоразумения.

Ну, а теперь мне пора подводить к завершению эти мои размышления о нашей воскресной школе и об этом кладбищенском храме.

Итоги и Выводы

Наши усилия по созданию воскресной школы продолжались около пяти лет. После этого она тоже продолжала существовать. Возможно, она существует и теперь. Просто я уже ничего об этом не могу рассказать, поскольку в конце концов я оттуда ушёл. Возможно, главной причиной было то, что от поездок в этот храм, от участия в богослужении и от забот об этой воскресной школе я всё же сильно уставал. Здоровье у меня не очень крепкое, и временами я участвовал во всех этих делах, что говорится, «на пределе сил».

Другой причиной могли быть человеческие отношения. Я уже не раз говорил, как относились к нашим занятиям многие сотрудники храма, и, конечно, меня это очень огорчало.

Случались неприятности и в нашей воскресной школе - так, например, наш весёлый алтарник, которого я здесь так подробно описал, в какой-то момент стал говорить, что если я здесь буду преподавать - то, значит, он отсюда должен уйти, а если он будет преподавать, то, значит, уйти должен я. Спорить и возражать было бесполезно - но имел в храме большой вес, поскольку ходил в свой богословский институт.

Но главная причина была в следующем. Наш настоятель, который в течение стольких лет не проявлял никакого внимания к нашей воскресной школе, вдруг всё-таки обратил на неё внимание. Подойдя как-то ко мне, он вдруг сказал, что, раз я столько лет хожу в воскресную школу и даже провожу в ней занятия, то, значит, и сам должен получить духовное образование. С этого момента начался новый период в моей жизни. Я стал искать место, где мне можно было бы учиться. Скоро я действительно нашёл такое место, и поступил в него. С осени я приступил к занятиям на новом месте - но всё равно каждое воскресенье продолжал приезжать в наш храм и участвовать в занятиях воскресной школы. Так продолжалось ещё около года. Но после этого новые заботы окончательно увлекли меня, я стал приезжать сюда реже и реже, и, наконец, совсем перестал приезжать сюда.

Теперь я думаю, что, может быть, был в этом не совсем прав. Жалко, в самом деле, бросать дело, на которое потрачено

столько сил! Но теперь я думаю, что в этом, может быть, был и свой смысл. Верующий человек на первых этапах своего духовного пути вряд ли может заниматься каким-то одним делом постоянно. Он должен проходить в своей жизни новые этапы. Во всяком случае, это касается мирянина. Священнослужитель здесь, видимо, менее свободен, поскольку это дело ему поручено, это его служение - мирянин же сохраняет здесь определённую независимость. Я занимался этой школой несколько лет, вложил в неё много сил - и вот теперь этот этап моей жизни закончился. После него наступили новые этапы. Возможно, здесь важную роль сыграло и то, что эта школа была первым серьёзным делом в моей жизни - а первое дело вряд ли становится для человека на всю жизнь постоянным.

Так или иначе, но отец дьякон меня понял. Видя, что я постепенно отдаляюсь от нашего общего дела, он после нескольких лет совместной работы великодушно «отпустил» меня. Правда, я потом, через несколько лет ещё пару раз посетил нашу школу и видел, что она развивается, что она приобрела новые помещения, и что в неё ходит много новых людей. Но участвовать в её жизни я тогда уже не стал. Наверное, это как раз та ситуация, про которую говорят, что невозможно дважды войти в один ворота, или в одну реку - хотя я не знаю, насколько это верно для ворот, или для реки, но, во всяком случае, для нашей воскресной школы это оказалось так.

Я теперь иногда думаю - во всём ли были правы мы с отцом дьяконом, когда решили создавать воскресную школу там, где этого, в сущности, никто не хотел и не ждал? Ведь во всё это время все наши усилия не пользовались здесь, по существу, ничьей поддержкой. Некоторые более прогрессивные люди, как, например, те два священника, которых я здесь описал, достаточно доброжелательно к ним относились, но, по существу, в наших занятиях почти не участвовали. Так для кого же мы этим занимались - для узкого круга наиболее увлечённых прихожан, для самих себя?..

Но, вспоминая и обдумывая теперь это время, я прихожу к выводу, что мы с отцом дьяконом просто не могли тогда поступить иначе. Он не случайно и не по своей воле был направлен в этот храм. Я не случайно встретил его в том храме на

окраине, и с первого взгляда признал в нём духовно близкого человека. Впоследствии, когда я снова встретил его в метро и узнал, что он переведён в этот храм, я просто не мог не откликнуться и не прийти вслед за ним сюда ему помогать. Здесь у нас просто не могло быть другой цели, кроме того, как организовать воскресную школу, поскольку эта идея буквально носилась в воздухе в то время. Почувствовав равнодушие или сопротивление настоятеля и других сотрудников храма, мы просто не могли от этой цели отказаться, и продолжали постепенно, насколько хватало сил, её осуществлять. Вот и получалось, что мы с отцом дьяконом в этой обстановке просто не могли поступить иначе, что это действительно было волей Божьей или велением времени. И что из того, что многие вокруг этой воли и этих велений не понимали! Для нас они были ясны, как и для многих неравнодушных людей того времени - и, значит, они непременно должны были осуществиться.

Меня, честно говоря, волнует вопрос - с чем же мы встретились при этом храме? Я уже не раз на этих страницах пробовал это осмыслить и понять. Теперь попробую выразить это так - мы столкнулись здесь с прежним «церковным поколением». Это было поколение людей, сохранивших веру в немногих открытых храмах в советское время. Многие черты этой обстановки прослеживались здесь достаточно явно (хотя я её не застал и не наблюдал) - всецелая сосредоточенность на богослужении, отсутствие какой-либо приходской жизни, замкнутый, молчаливый настоятель, особая роль пожилых благочестивых женщин и хозяйственных сотрудников храма... Эти люди в своё время совершили подвиг, сохранило веру в советское время, донесли её до нас - и вот теперь остановились, замерли в своём духовном развитии!.. Они, как бегун на эстафете, добежали до своего товарища, дотронулись до него - но тут же упали, и не смогли ему ничего передать. Мы сами приняли эстафету из их рук. Благодаря им мы увидели, что можно бежать, что можно нести свою эстафету - и у нас возникло желание это повторить. Но сами они не смогли ничего нам передать - нам пришлось всему учиться самим.

Я вновь вспоминаю, с какими заявлениями обращались к обществу люди этого круга, уцелевшего во время гонений, в

первые годы церковного возрождения. Как радио и телевидение тогда наполнились трагическими речами о том, что Церковь пострадала, что у неё отняли то, что ранее ей принадлежало, лишили её прежних привилегий и положения в обществе - и вот теперь должны всё это возместить, вернуть! В этих речах не было заботы о том множестве людей, которые приходили теперь к вере и стояли на пороге храмов - а были лишь обиды, желание реванша, стремление обвинить всех вокруг в своих прежних бедах. Ну разве в этом должна состоять подлинная, живая проповедь веры? Разве можно использовать страдания и гибель своих соотечественников, живших полвека назад (я имею в виду довоенное время), для того, чтобы укорить и обвинить своих современников, многие из которых уже не имели к этому никакого отношения и искренне стремились к вере? Впечатление было такое, что с этим кругом людей всё-таки что-то было далеко не совсем в порядке. Погружённые сознанием в свои прежние обиды, в то, что их отцам и дедам пришлось пережить, они, по существу, не замечали свежих явлений нашего времени и не имели, что нам сказать.

Хорошо, давайте посмотрим, что получалось, когда такие люди всё-таки начинали что-то говорить. Вот они создали свой богословский институт. Поначалу это воспринималось как явление прогрессивное, поскольку целый круг людей здесь, в Москве получил возможность получить духовное образование. Но очень скоро выяснилась главная черта этого вторичного, нетворческого обучения. Не церковное учение здесь служило спасению человека, а, наоборот, человек здесь служил сохранению церковного учения. Снова сознание людей здесь прочно фиксировалось на дореволюционных годах - или, самое позднее, на первом послереволюционном времени. Снова здесь считали себя «сохранившими веру», а всех остальных - от неё «отступившими», но, стоя на таком «пьедестале» над современниками, отнюдь не стремились проповедовать веру, делиться ей, нести её в мир. Здесь взгляды людей были, в основном, обращены не к Богу, а в прежние эпохи и в старинные книги. Поистине, мы получили здесь достойный пример того, как не надо создавать подобные учебные заведения, и это очень скоро отбило у нас всякую охоту пользоваться услугами таких

«учителей»!..

Нечто подобное встретили мы и на нашем кладбище - правда, в несколько другом, «молчаливом» варианте. Здесь люди тоже сохранили веру в советское время и тоже никак не хотели замечать наступивших перемен. Для того, чтобы «сохранить себя», чтобы отгородиться от окружающей реальности, они прибегли к необычному средству - всё время молчали. Им казалось, что если жить незаметно, никого не трогать, не вступать в общение с людьми, то можно каким-то образом привычно существовать. В результате на этом кладбище сохранилась церковная обстановка позднего советского времени, и сюда совершенно не долетал «тёплый ветер перемен». Уже пять лет, как продолжалось наше церковное возрождение, кругом открывались храмы, воскресные школы, создавались общины - а здесь всё будто застыло на какой-то одной, раз и навсегда данной точке. Ну разве это выход?.. Разве же можно таким образом сохранить веру и церковную жизнь?.. Получалось, что здесь, в этом храме, обстановка тоже была несостоятельной.

Итак, как бы не проявляли себя эти люди - гневными ли громогласными заявлениями, или неловкими попытками «учительства», или же уходили в себя и погружались в молчание - всё это было в новое, уже наступившее время неуместно и неестественно. Они этим как бы показывали свою несостоятельность. Этот круг людей действительно совершил подвиг, сохранил веру в советское время - но, донеся её до нас, уже не смог нам её передать.

В этом я вижу один из главных уроков нашей церковной истории XX века. Она вся как бы распадается на два периода: один - связанный с дореволюционным прошлым, и другой - связанный с наступившим уже в наше время церковным возрождением. Между ними находится как бы «переходный» период, который одновременно соединяет и разделяет их, связанный с советским временем.

Мне кажется, нашу церковную и общественную историю в целом можно представить себе таким образом. В начале XX века прежняя система вещей (в которой, в частности, Церковь была очень прочно связана с государством) исчерпала себя, перестала привлекать людей. Люди стали искать ответа на свои насущные

вопросы в других общественных системах и учениях.

В результате и произошли те события начала XX века, смысла которых до сих пор ищут некоторые люди, и о которых до сих пор никак не могут забыть. Смысл их, видимо, был в том, что прежняя система вещей действительно должна была уйти, и вместо неё должно было наступить что-то новое.

Это новое рождалось непросто. Общество разбилось на множество групп, течений, партий, которые боролись друг с другом за власть. Наконец, главенствующее течение победило, в обществе наступила некоторая стабильность. Главенствующее течение начало утверждать свою власть в стране. В этом, видимо, общий смысл гражданской войны, формирования советского государства и наступившего затем периода репрессий.

В результате всех этих непростых событий прежний порядок вещей окончательно ушёл в прошлое, в нашей стране наступила совсем другая жизнь. Но тут вмешался внешнеполитический момент, смысла которого я, честно говоря, не берусь обсуждать. Началась вторая мировая война, которая сыграла совершенно особую роль в жизни нашей страны и народа.

Одним из её результатов был, по крайней мере, тот, что она, в силу своей особой важности и значительности, как бы «скрыла» от нас все предшествующие события - как дореволюционного, так и первого послереволюционного времени. Жизнь нашей страны после войны как бы началась заново. Те, кто родились после войны, могут свидетельствовать, что они уже очень плохо представляют себе предвоенное время. Мы - дети и наследники уже послевоенных лет.

В эти годы вера в жизни нашего общества присутствовала, но она уже не занимала в ней не только центрального, но даже сколь-нибудь заметного места. Сохранялась она лишь немногими людьми, в основном, на территориях немногих действующих монастырей и храмов. Однако в эти годы родилось и новое явление - немногие общины мирян, которые имели решимость жить с верой даже и в неблагоприятных условиях, и в советское время сохраняли, и даже проповедовали веру. Они сыграли заметную роль в дальнейшем, в годы церковного возрождения.

Церковное возрождение наступило в конце 80-х - начале 90-

х годов. Внутреннего смысла этих событий я здесь тоже не могу обсуждать. В обществе снова проявился интерес к духовности. Множество новых людей стало приходить к вере. Открывались новые храмы, издавались книги, создавались новые церковные учебные заведения.

Тут-то на пространствах нашей церковной жизни и «столкнулись» эти два духовных течения. Одно ориентировалось, в основном, на довоенную и дореволюционную церковную жизнь, состояло из людей, которые пассивно сохраняли веру в советское время, и, в основном, жили воспоминаниями и мечтами о прошлом. И другое - состояло из людей, опиравшихся на реальный послевоенный опыт церковной жизни, стремившихся полноценно жить с верой в реальных современных условиях, проповедовать и распространять веру. Оба этих течения оказались на поверхности церковной жизни, стали как-то проявлять себя и взаимодействовать. Они оба набрали себе некоторое количество учеников - но надо сказать, что второе течение действовало в этом отношении успешнее. Его живой и смелый призыв к искренней и глубокой вере, несомненно, подействовал на многих наших современников, а при этом оно смогло организовать и передачу опыта, живое, творческое наставление. По сравнению с этим формальная, нетворческая проповедь представителей первого течения, их бесконечная опора на прошлое, их бесконечные повторения того, что достигли верующие люди в прежние века, не могли производить столь же сильного впечатления, не могли столь сильно привлекать людей. Несомненно, они в этой современной борьбе за души людей проиграли.

Интересно было наблюдать, как складывается «взаимодействие» между этими двумя течениями. С самого начала церковного возрождения представители первого течения видимо, чувствуя некоторую свою ущербность и несостоятельность, стали «гнать» представителей второго, чинить им всяческие препятствия. Они склонны были, подчёркивая свою «фундаментальность» и свою опору на прошлое, называть именно себя представителями «подлинного Православия» - а в участниках второго течения это качество отрицать. Некоторых из таких более активных и деятельных

людей они окрестили «обновленцами», и организовали чуть ли не настоящую «войну» против них. Короче, отношения между этими двумя течениями были отнюдь не мирные - первое из них явно пыталось показать свои главенство и власть, и причинило представителям второго много вреда. Надо сказать, что второе течение платило ему тем же, и если дело с этой стороны не доходило до открытой вражды, то, по крайней мере, имели место явные отчуждение и неприязнь. Происходило всё это потому, что эти два течения составили как бы два разных «сообщества» внутри нашей Православной Церкви, с разными понятиями, стремлениями, идеями - а представители таких разных сообществ обычно редко находят между собой общий язык, даже несмотря на общую веру.

Однако, нужно честно сказать, что ситуация развивалась во вполне определённом направлении. Представители второго течения, как более активные, деятельные, творческие, завоёвывали себе всё более прочные позиции в Церкви. Согласно тому естественному закону, что в Церкви всё живое, творческое, активное постепенно поднимается «вверх», представители этого течения занимают всё больше руководящих постов в Церкви. В результате соотношение сил существенно меняется. Теперь они уже не угнетённые, страдающие, гонимые, а, фактически, уже управляют Церковью, фактически, представляют собой Церковь. Представители первого течения в ней постепенно «сходят на нет». Они, конечно, по-прежнему существуют, и даже оказывают на процессы в церковной жизни какое-то влияние - но влияние это постепенно становится всё менее заметным. Так произошла в нашей Церкви смена «периодов», или «поколений». Прежние понятия, цели, стремления уведены с «поверхности» церковной жизни, Бог и история совершили свой суд.

В этом - в том, что в нашей церковной жизни произошла эта «смена поколений», или «смена главенствующих течений» - я вижу основное содержание нашего церковного возрождения, а в более широком смысле - всё нашей церковной истории XX века. Возможно, в этом же один из главных смыслов и всей нашей недавней российской истории. К этому, однако, можно добавить следующее - что в процессе нашего церковного возрождения, в эти последние 30 лет в нашей Церкви родилось и некое «третье

течение», или «третья сила». Это - всё то множество верующих людей, которые пришли к вере в эти последние 30 лет, в годы церковного возрождения. Поначалу это течение было аморфным, не имело определённых понятий и идей, поддавалось самым разным влияниям. Но постепенно оно окрепло, оформилось, и сейчас, по существу, представляет собой нашу Церковь. В нём, конечно, присутствуют самые разные люди - но в целом оно тяготеет ко второму течению, поскольку намерение большинства современных верующих людей - вовсе не беспочвенно мечтать о прошлом, а достойно прожить с верой эту свою реальную, современную жизнь.

Вот такая, в общем и целом, получается картина. Конечно, то, что я изложил здесь - это, во многом, «теории» и «схемы». Однако и без этого иногда нельзя обойтись - человеческое сознание познаёт окружающую реальность, в том числе, и с помощью теорий и схем. Может возникнуть вопрос - ведь то, о чём я здесь пишу, случилось уже довольно давно, оно может показаться уже ушедшим в прошлое, не актуальным. Действительно, первые годы церковного возрождения, позднее советское время, тем более весь двадцатый век... Какое это отношение может иметь к нашему времени, к тем вопросам, которые волнуют современного человека?..

Но в Церкви счёт времени несколько иной. Церковь существует уже 2000 лет, и всё это можно воспринимать как одно её постоянно длящееся «настоящее». Но, если взглянуть более по земному, то можно сказать так: что весь XIX век и всё начало XX века - это наш с вами церковный «позавчерашний день»; середина XX века - это церковное «вчера»; и, наконец, самый конец XX века и вплоть по настоящее время - это наше с вами церковное «сегодня». С этой точки зрения мои описания и размышления вполне современны. Они, в основном, описывают последний 30-летний период истории нашей Церкви, т.е. наш с вами «настоящий момент». Иногда, когда мне это кажется необходимым, я заглядываю и во «вчерашний день». Но уж от того, чтобы описывать наше «позавчера» вы меня увольте - никакой человек не может полноценно жить, опираясь сознанием на такие древности!.. Там, где это было возможно, я давал некоторые жизненные иллюстрации моим размышлениям, в

других местах приводил сами эти размышления. В целом, мне кажется, получилось неплохо - некоторое сочетание живых картин и размышлений, которое может и читателя навести на его собственные мысли.

Но заканчиваю эти описания и размышления. Невозможно полностью точно, исчерпывающе описать окружающую реальность. Неизбежно приходится прибегать к помощи всё тех же «теорий» и «схем». Я здесь избрал предметом моих размышлений нашу современную Церковь, те непростые процессы, которые сейчас происходят в ней. В следующий раз, если Бог даст, хотел бы больше обратить внимание на внутренний мир человека. Однако, сейчас хочу сделать перерыв. Последний момент, на который хотелось бы перед этим обратить внимание читателя - я вовсе не настаиваю, что я всё здесь описал абсолютно верно, и всему дал абсолютно верные, исчерпывающие объяснения. Может быть, кто-нибудь, прочитав это, поймёт всё это по-другому. Но ещё лучше будет, если он, прочитав это, сам оглядится вокруг, посмотрит на события своей собственной жизни, и попробует всё это как-то по-своему осмыслить и понять. Вот это, мне кажется, будет здесь лучшим результатом. Тогда, может быть, мы все вместе будем что-то лучше понимать...

ДВА ХРАМА

Все права на произведения принадлежат
исключительно их авторам.

Составитель-редактор:

Независимое Издательство «Первая Книга»

Перваякнига.рф